

© 2001 г.

ВЯЧ. ИВАНОВ: «Я ПОШЕЛ К НЕМЦАМ ЗА НАСТОЯЩЕЮ НАУКОЙ»

I. ВЯЧ. ИВАНОВ В РИМЕ: ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

После учебы в Берлинском университете, где его учителями и наставниками были такие выдающиеся ученые как Теодор Моммзен (1817–1903) и Отто Гиршфельд (1843–1922), Вячеслав Иванов отправился во Францию, чтобы продолжить свои антиковедческие занятия и завершить диссертацию.

В письме к Гиршфельду от 30 декабря 1892 г. он так рассказывает о своем пребывании во Франции: «В Париже я оставался до начала февраля 1892 года, чтобы работать в Национальной библиотеке и ознакомиться с художественными сокровищами Парижа; глубоко изучить французский язык, отчасти также и английский (за это время я предпринял короткую поездку в Лондон), но я держался вдалеке от слушания лекций и от университетских занятий. Во время своего пребывания в Париже я сделал попытку перевести свою работу на латинский язык, но эта попытка вскоре перестала меня удовлетворять, так как я убедился в необходимости некоторых специальных изменений и дополнений. Кроме того, я и в латинском языке сделал некоторые шаги вперед, так что и с формальной точки зрения этот набросок перевода показался мне неудовлетворительным. Поэтому я не захотел возвращаться в Берлин и решил прежде предпринять давно желанное паломничество в Италию – этому способствовали и другие обстоятельства, я начал путь через Вашу „провинцию“ (я имею в виду Южную Францию) и посетил, правда, весьма быстро, Лион, Вьен, Оранж, Ним вместе с Пон-дю-Гаром, Арль, Марсель. Впервые, если не считать моей более ранней поездки в Трир, ступал я по классической земле, среди сохранившихся памятников римской культуры, впервые я также увидел и благословенный Юг»¹.

В Париже, в Национальной библиотеке Иванов познакомился с молодым русским ученым, приват-доцентом Петербургского университета Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941), и эта встреча стала началом их близкой и долгой дружбы. Именно Гревс, который уже посетил Италию в 1890–1891 гг. и был ею очарован², убедил Иванова поехать в Рим, чтобы ознакомиться с памятниками римской культуры и продолжить в Италии работу над диссертацией.

¹ Письма Иванова к Гиршфельду (на немецком языке) опубликованы М. Вахтелем в качестве приложения к его статье – *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe.* XXXV (1–2). Janvier – juin 1994. P. 353–376. Черновики некоторых писем Иванова хранятся в его фонде (№ 109) в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – РГБ). Пользуясь случаем, выражаю признательность М. Вахтелю за присылку материалов для этой статьи. Благодарен также за советы и научные консультации Н.В. Котрелеву – лучшему знатоку творчества Вяч. Иванова и С.А. Степанову за содействие в переводе на русский язык писем Иванова Гиршфельду.

² См. *Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 года) // *Россия и Италия.* М., 1993. С. 281–315.

В своем «Автобиографическом письме», составленном в начале 1917 г. (т.е. через четверть века после описываемых событий), Иванов вспоминал: «В 1891 г., отбив в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиками Ницше, о котором начали говорить. Мы поселились вблизи Национальной библиотеки у одного chef d'institution³ и officier d'Académie⁴, под руководством которого я в течение почти года ежедневно упражнялся в французской стилистике. Тогда же в первый раз побывал я на короткое время в Англии. В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я и с И.М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий русской историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию... После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго осели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя до некоторой степени римлянами. Я посещал Германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами („ragazzi Capitolini“)⁵ в обходах древностей, думал только о филологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию...»⁶. А вот как Иванов описывает те же годы в «Автобиографической справке», написанной в начале 1919 г. и изданной Н.В. Котрелевым в 1997 г.: «По окончании работы о римских государственных откупках, как в эпоху республики, так и империи, я отправился для пополнения научных знаний и переработки первой части своей немецкой рукописи (об откупках за время республики) в латинскую диссертацию – сначала в Париж, потом в Рим, где слушал курсы Германского Археологического института»⁷.

Первая встреча с Римом вызвала у Иванова двойное чувство. Вот как он сам описывал свои впечатления в заметках, которые он вел во время путешествия из Парижа по югу Франции и северу Италии. «Несмотря на бессонную ночь в вагоне, я, конечно, тотчас бросился бегать по улицам, пошел на Монте-Пинчо – видеть общий вид города, – к крепости Ангела, в церковь св[ятого] Петра, в Колизей, на Форум, на Капитолий и т.д. Очень устал физически и еще более нравственно и возвратился настолько смущенный и, так сказать, сбитый с толку, что не мог бы даже выразить и определить своих ощущений. В новой оболочке, покрывшей старый Рим, многое болезненно меня поразило. Глаз открывал повсюду много прозы, много безвкусыя. Неожиданно и часто неприятно поражал, после Парижа, известный отпечаток провинциализма».

И рядом с этим вдруг так много поэтически своеобразного, неожиданно живописного. Но прежде всего повсюду внезапно поднимаются такие великолепные остатки старины, такие памятники, такие развалины, которые вдруг могущественно потрясают душу. Многие из них так знакомы по книгам и рисункам и так новы, и неожиданны в своем реальном явлении! Все эти впечатления так сильны и так непохожи одно на другое, что душа устает и чувствует себя бессильной. Мне стало почему-то

³ Глава учреждения (франц.).

⁴ Чиновник Академии (франц.).

⁵ «Капитолийские ребята» (итал.).

⁶ См. *Иванов Вяч.* Собр. соч. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешерт. Брюссель. Т. 1. 1971. Т. 2. 1974. Т. 2. С. 19.

⁷ См. *Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // *Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научно-тематической конференции в г. Судак 18–20 сентября 1996 года.* Москва – Судак, 1997. С. 189.

печально. Еще не можешь примирить всех этих звуков, составляющих как бы дизгармонию. И вместе с тем уже сознаешь, что все это вместе, в самой дизгармонии, прекрасно и стройно.

Начинаешь убеждаться, что Рим далеко еще не испорчен новой прозой, что это лишь незаметные пятна на великой картине. Вообще, Рим произвел на меня первое впечатление, подобное впечатлению от очень хорошей и очень трудной, серьезной музыки. Еще не успел понять ее и не заметил даже большую часть ее красот, но уже успел полюбить ее, уже угадываешь ее великий смысл и почувствовал в душе еще неопределенное и темное, но уже глубокое и необычное содержание. В конце дня я был, как говорил раньше, совсем утомлен нравственно.

Вот, со следующего дня, с теплыми, летними лучами солнца, с голубым предельным небом, началось мое радостное восхищение всем, что я встречаю здесь на каждом шагу. Все стало несравненно и мило, и каждый новый день все увеличивает мое восхищение.

Итак, хорошее произведение искусства все более нравится, чем больше с ним сближаешься. И уж теперь понимаю, что первый день я был почти слеп»⁸.

О жизни Иванова в Риме и занятиях над диссертацией и античными сюжетами в целом мы узнаем из его писем к Ивану Михайловичу Гревсу⁹ (и писем Гревса к нему¹⁰) и своей будущей жене Лидии Дмитриевне Шварсалон (урожденная Зиновьева, впоследствии приняла литературное имя Зиновьева-Анниба; именно Гревс в Италии познакомил с ней Иванова¹¹), а также из переписки Иванова с О. Гиршфельдом, которая была выявлена М. Вахтелем в Рукописном отделе Германской национальной библиотеки в Берлине и им же издана¹².

Некоторые свидетельства о научной работе Иванова в Риме мне удалось обнаружить и в архиве Римского отделения Германского археологического института. С этим институтом Иванов был тесно связан в течение многих лет и даже после того, как оставил занятия античной историей.

Римское отделение Германского археологического института было открыто в 1829 г., и с тех пор этот научный центр с его блестящей библиотекой привлекал многих выдающихся историков, археологов, филологов и талантливую молодежь из разных стран мира для научной стажировки¹³. С институтом были связаны и многие известные русские ученые – Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, М.Н. Крашенинников, Я.М. Смирнов, И.В. Помяловский, Ю.А. Кулаковский и др.

Иванов приехал в Рим как воспитанник немецкого антиковедения, ученик Моммзена и Гиршфельда, и было вполне естественным, что прославленная библиотека Германского археологического института стала основным местом его научной работы. Можно также предполагать, что и Гревс, который убедил Иванова ехать в Рим для подготовки диссертации, рассказывал своему другу о богатствах этой библиотеки: сам Гревс, стажировавшись в Риме в 1890 г., постоянно ее посещал. Так, в письме С.Ф. Ольденбургу и его жене А.П. Ольденбург он, рассказывая о своем пребывании в Риме, писал: «Иду либо в библиотеку Германского Археологичес[еского], где сижу с 2-х до 4-х, занимаясь римской топографией и археологией, либо иду на Форум или на Палатин или куда в другое место изучать древности наглядно»¹⁴.

⁸ РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 20–20 об.

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 726. Оп. 2. Д. 127.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10.

¹¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 37–41.

¹² *Wachtel*. Вячеслав Иванов...

¹³ Об истории института и его отделения в Риме подробнее см. *Wickert L.* Beiträge zur Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts, 1879–1929. Mainz, 1979; *Марконе А.* Петербург – Рим – Берлин: встреча М.И. Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ. 1992. № 1. С. 213–223; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историкографические очерки. СПб., 1999.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп 3. Ед. хр. 706. Л. 2 об.

В Германском археологическом институте в Риме Иванов был зарегистрирован вскоре после приезда – 28 марта 1892 г. Судя по книге записей¹⁵, документ на право работы в библиотеке был ему выдан немецким археологом Х. Хюльзенем (1858–1935), бывшим тогда вторым секретарем института. Фамилия «Иванов» (V. Ivanov) впервые появляется в списке участников специального заседания 22 апреля 1892 г. – в этот день отмечалась (отмечается и сейчас) дата основания института (22 апреля 1829 г.). Уже на этом первом заседании Иванов встретился с некоторыми крупными учеными (прежде всего немецкими). Среди участников был русский ученый-филолог будущий директор Музея изобразительных искусств профессор Московского университета И.В. Цветаев (1847–1913)¹⁶.

В первом же письме Гревсу из Рима (11 июля/29 июня 1892 г.) Иванов рассказывает о своих занятиях антиковедением и подготовкой диссертации: «Все собираюсь написать Вам, да никак не выберу минуты. День мой распределен правильно, но весь сполна посвящен, – выражаясь вычурно – черепашему бегу по научному стадиону; так состязаясь я с Ахиллесами науки. Дополз я почти до конца первой главы работы – той первой главы, которая у меня уже существует в стольких различных редакциях, в скольких сохранился, разве, лермонтовский „Демон“»¹⁷.

Очевидно, в институте произошла встреча Иванова с известным немецким антиковедом К. Белохом¹⁸, о чем он сообщает Гревсу (письмо от 11 июля (29 июня) 1892 г.): «Свое намерение зайти к Белоху, о котором я Вам писал, я исполнил. Он принял меня со свойственной ему вкрадчивостью и вместе с несколько коварной любезностью и мягкостью. Это было накануне его отъезда из Рима. Была речь о Вас. Я говорил, кто Вы, чем теперь занимаетесь и когда едете в Россию, и какие курсы Вы будете читать, и как у нас древнюю историю соединяют в университете со средней, и как много принуждены Вы работать и что в Риме Вы весь день сидите в библиотеках»¹⁹.

После летних путешествий по Италии и Сицилии, где он познакомился с древними памятниками (в том числе он побывал в Помпеях²⁰), Иванов, по его собственному признанию, целиком погрузился в научную работу: «Как только я обложился книгами, тотчас сказался обычный недочет в числе часов, составляющих сутки; утра, полдни, вечера стали пробегать и снова наступать с обидной быстротою; время опять стало похоже на железнодорожный поезд, а я со своим трудом и усилиями на идущего рядом человека» (письмо Гревсу от 4 октября/22 сентября 1892 г.)²¹.

Иванов вновь приступает к работе над диссертацией. И если «прочная оседлость с домашним письменным столом» доставляет ему «немало удовольствия», то диссертация о публиканах «даже после полуторамесячной разлуки и столь же продолжительного забвения» дается с большим трудом. «Но я постарался быть внимательным и к ним и разделил свои занятия на прозу и поэзию»²². «Прозой, – пишет он Гревсу в том же письме, – послужило размышление над третьей и последней главой моей противной и по самому предмету своему постыдной работы»²³. Обращается он вновь и к трудам Моммзена, курсы которого слушал в Берлине. «Поэзией – чтение вещей,

¹⁵ Адрес, который написан в регистрационной книге – via Castelfidardo 51 – тот же, что и указан на письмах, написанных из Рима в 1892 г. Гревсу и Гиршфельду.

¹⁶ См. *Корыхалова Т. П.* Труды И.В. Цветаева по итальянской эпиграфике // ВДИ. 1973. № 2. С. 194–202.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 1.

¹⁸ К. Белох (K.J. Beloch) (1854–1929) – историк древней Греции и Рима, много лет прожил в Риме, один из основателей антиковедческой школы в Италии, особую известность получил его труд «Греческая история» (*Белох Ю.* История Греции. Т. I–II. М., 1897–1899).

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 2 об.

²⁰ «Завтра утром еду в Помпеи. Мне даже дали разрешение, выдаваемое археологам» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 5 об.)

²¹ Там же. Л. 7 об.

²² Там же.

²³ Там же.

служащих ее дополнением к виденному... в особенности же углубление в сочинения Моммзена, гениального Моммзена, за которого я так боюсь всякий раз, когда слышу о смерти какого-нибудь славного старика: ведь умер Йеринг²⁴, умер и Ренан²⁵!».

Усердно занимаясь диссертацией, Иванов незаслуженно скромно относится к своей научной работе и к своим творческим возможностям. Он упрекает своего друга Гревса за то, что тот о нем поговорил с известным византинистом В.Г. Васильевским (1838–1899), в прошлом тоже учеником Моммзена: «Охота Вам было говорить обо мне и особенно о моей работе с Васильевским, да еще заинтересовать моей особой таких знаменитостей. Это значит увеличить число (и без того слишком большое) людей, надежды которых я не оправдываю. И мой несчастный маленький опускул становится тем хуже, чем больше о нем говорят. Право, впечатление, которое он мог бы произвести, было бы лучше, если бы Виноградов²⁶, Вы и т.д. не ожидали от меня большего, чем сколько я могу дать»²⁷.

Основное место для занятий – библиотека Германского археологического института и библиотека Виктора Эммануила²⁸.

Иванов присутствовал и на ежегодном торжественном собрании, посвященном дню рождения основателя института Й. Винкельмана²⁹ – 9 декабря 1892 г. (здесь, судя по подписям участников, и по письму к Гревсу от 8 января 1893/27 декабря 1892 г. он вновь встретился с Белохом)³⁰.

Кроме Белоха на этом заседании вместе с Ивановым присутствовали также Дж. Де Росси³¹, М. Рамсей³², Л. Блох³³, Г. Дессау³⁴, Р. Шёне³⁵ и другие уже известные или ставшие впоследствии знаменитыми ученые.

В том же письме от 27 декабря 1892/8 января 1893 г. Иванов описывает необычное событие, произошедшее в институте: «Библиотека института украсилась мраморным бюстом де Росси, открытым в присутствии последнего и поставленным на шкаф над гермою Генцена. Другое новое украшение библиотеки – бронзовый гриф на ионическом пиллястре серого мрамора. Он был преподнесен в 1865 г. пятьюдесятью учеными Герхарду (Gerhard) (есть и выгравированная дедикация в греческих дистихах) и пожертвованная теперь институту вдовую Герхарда»³⁶.

О встречах с Дж. Де Росси Иванов упоминал и в своем «Автобиографическом письме»³⁷. Крупный немецкий филолог и эпиграфист В. Генцен (Wilhelm Henzen, 1816–1887) был секретарем Римского отделения Германского археологического института; Э. Герхард (Eduard Gerhard, 1795–1867) – известный немецкий археолог, профессор археологии Берлинского университета, тесно сотрудничал с Римским отделением института, его жена Эмилия (1818–1892) незадолго до смерти преподнесла в дар институту скульптуру бронзового грифа, которая стала своего рода символом института.

Немцы бережно хранят эти реликвии. Каждый, кто и сегодня входит в институт, направляясь либо в библиотеку, либо в административные офисы, видит высокий мраморный пиллястр, который венчает бронзовый гриф (рис. 1). Под фигурой грифа

²⁴ Р. Йеринг (R. Jering) (1818–1892) – немецкий антиковед, специалист по римскому праву.

²⁵ Э. Ренан (1823–1892) – французский филолог, семитолог, религиозный мыслитель.

²⁶ П.Г. Виноградов (1854–1925) – историк права, учитель Иванава в Московском университете.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 10–10 об.

²⁸ Национальная библиотека Италии.

²⁹ Й. Винкельман (J.J. Winckelmann, 1717–1768) – выдающийся немецкий ученый, историк искусства.

³⁰ «С Белохом однажды встретился в институте на Винкельмановском празднике». См. ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 13.

³¹ Джованни Баттиста Де Росси (Giovanni Battista De Rossi) (1822–1894) – итальянский археолог и эпиграфист.

³² М. Рамсей (M. Ramsay) (1856–1939) – известный английский археолог и эпиграфист.

³³ Л. Блох (Leo Bloch) (1864–1920) – немецкий археолог и педагог.

³⁴ Г. Дессау (Hermann Dessau) (1856–1931) – немецкий историк-антиковед, ученик Т. Моммзена.

³⁵ Р. Шёне (Richard Schöne) (1840–1922) – немецкий археолог.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 13.

³⁷ См. Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. С. 19. Он называет его «славный Дж. Б. де-Росси».

греческая надпись, которая гласит: «Слугу Артемиды и Аполлона-Ликурга, грифа – священный символ эфирного огня – (мы), сонм мужей – служителей таинств посвящаем нашему гиерофанту³⁸ ради сокровенной премудрости. Вот, просиял полных 50 лет факелonosный таинник божественной природы»³⁹. Ниже на металлической пластинке – латинская надпись: «Статую с постаментом, Эдуарду Герхарду некогда посвященную друзьями, по воле Эмилии Герхард наследники подарили Германскому археологическому институту»⁴⁰. В специальном зале института, где часто проводятся научные заседания, стоит и бронзовый бюст Де Росси.

Судя по письму Гревсу, Иванов в это время, т.е. в начале января 1893 г., намеревался в мае или июне поехать в Берлин, чтобы «держать экзамен». Основное внимание он уделяет последней части диссертации. «Многое прежде смутное выяснил, но успел обработать по-латыни только около четверти ее, и так как было легко затянуть еще на продолжительное время, послушался совета Крашенинникова⁴¹ (который вообще принимает сердечное участие в многих делах и всячески торопит меня, за что я ему очень обязан) и принялся опять за первую часть, уже изложенную по-латыни до поездки в Неаполь, чтобы употребить главным образом эту часть в качестве берлинской диссертации»⁴². Иванов принимает участие и в занятиях, проводимых Хюльзенем. «Его (Хюльзена. – Г. Б.-Л.) топографические прогулки и лекции были для меня очень интересны и поучительны»⁴³.

30 декабря 1892 г. Иванов написал письмо в Берлин Гиршфельду. Об этом он сообщил Гревсу: «С неделю тому назад пришлось мне, наконец, нарушить то таинственное молчание, которое я сохранял до сих пор перед Берлином, и я написал Гиршфельду отчет о своих занятиях со времени отъезда в Париж. Для моих целей писать несколько рано, следовало подождать месяца полтора... Ответа от Гиршфельда я еще не получал»⁴⁴.

К счастью, письмо Иванова Гиршфельду, строки из которого мы уже приводили, сохранилось в Отделе рукописей Германской Национальной библиотеки и опубликовано М. Вахтелем. Вот как объясняет Иванов свое «таинственное молчание»: «В начале будущей весны исполнится полных два года с тех пор, как я простился с Вами, как я полагал тогда, на короткий срок. Простили ли Вы мне отсутствие писем в течение столь долгого времени? Я вполне осознаю свою вину молчания... но меня удерживало от того, чтобы написать Вам, именно желание сообщить нечто определенное о ходе этой работы, которой я не прекращал заниматься. Все же я должен сообщить Вам, что она не продвинулась настолько, как мне самому бы хотелось,

³⁸ Гиерофант (греч.) – верховный жрец.

³⁹ Ἀρτέμιδος πρόπολον καὶ Ἀπόλλωνος Λικοόργου
γρίψα πυρός σεμνὸν σύμβολον αἰθερίου
ἀνδρῶν μυστιπόλων χορὸς ἀνθέμεθα ἱεροφάντη
ἡμετέρῳ σοφίης εἵνεκεν αἰθερίου.

Ἦν προύφηγεν ἔθλους λυκάβαντας πεντήκοντα
δαίδοφορος μύστης θειοτέρης φύσιος

(Пер. С.А. Степанцова).

⁴⁰ Signum cum basi
ODOARDO GERHARD
ab amicis olim dicatum
ex voluntate Aemiliae Gerhard G. M. F.
Istituto Archaeologico Germanico
heredes d. d.
CIC CCC L XXXX II

(Пер. С.А. Степанцова).

⁴¹ М.Н. Крашенинников (1865–193?) – русский византист, ученик В.К. Эрнштедта, Ф.Ф. Соколова и И.В. Помяловского, стажировался в Италии в 1891–1895 гг., друг Иванова.

⁴² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 12–12 об.

⁴³ Там же. Л. 12.

⁴⁴ Там же. Л. 12 об.

Рис. 1. Статуя грифона с греческой и латинской надписями

и еще не доведена до того состояния, в котором я надеюсь ее Вам представить... Насколько я могу оценить результаты моих занятий этим предметом, та часть моего исследования *societates vectigalium*⁴⁵, которую по Вашему совету я думал представить Вам в начале диссертации, нуждается лишь в окончательном оформлении... В последнее время я систематически изучал топографию древнего Рима, благодаря в высшей степени увлекательным и ученым топографическим *gigi*⁴⁶ и лекциям профессора Хюльзена. Излишним было бы говорить, какую пользу принесло мне пользование превосходной библиотекой Германского археологического института. Сейчас я приступил к окончательной редакции той части моей работы, которую мне предстоит Вам представить в качестве диссертации; Вы увидите, что моя более ранняя работа существенно изменилась⁴⁷.

⁴⁵ «Общества откупщиков» (лат.)

⁴⁶ Прогулки, экскурсии (итал.)

⁴⁷ *Wachtel*, Вячеслав Иванов... Р. 368.

В своем ответе 8 января 1893 г. Гиршфельд настоятельно просил Иванова не откладывать диссертацию и скорее представить ему работу: «Вам нужно выбрать всего лишь одну главу, лучше всего об организации сообществ, но теперь Вы более не должны откладывать. Вы знаете, что дали мне обещание, и я придаю значение тому, чтобы это произошло при моем деканате... Итак, до скорой (подчеркнуто Гиршфельдом. – Г. Б.-Л.) встречи в Берлине»⁴⁸.

Прошел год со времени приезда Иванова в Рим, но о поездке в Германию к Гиршфельду можно было только мечтать: до завершения диссертации было еще очень далеко. В письме Гревсу от 16/4 апреля 1893 г. Иванов рассказывает о содержании письма Гиршфельда и объясняет причину столь долгой работы над диссертацией: «За это время я сызнова написал ту часть работы, которую надумал, наконец, выделить для диссертации. Я бесконечно долго вожусь с этой скучной материей, но вскоре надеюсь сбить с плеч надоедливую ношу. Моя непрактичность много мешает и вредит мне во всем. Представьте себе, что три месяца до Рождества я потерял, занимаясь той частью, которая не имеет никакого отношения к диссертации! Я не в состоянии ничего рассчитать и менее всего способен рассчитывать время. Мне казалось, что все это нужно включить в диссертацию; между тем, самый простой расчет мог показать, что тогда она значительно превысила бы узаконенный объем. Говоря о своих работах, я должен прежде всего сказать о моих теперешних отношениях к

⁴⁸ Там же.

Гиршфельду. Я Вам писал, что послал ему отчет о своих занятиях... Он ответил письмом, которое – оно же коротко – лучше приведу здесь целиком»⁴⁹. Далее Иванов приводит немецкий текст письма, которое сохранилось в архиве поэта и на строки которого мы уже ссылались.

В том же письме к Гревсу содержатся другие интересные сведения о работе Иванова над диссертацией и его творческих планах. «В феврале неожиданно явился ко мне мой бывший университетский товарищ, упомянутый в этом письме (в письме Гиршфельда. – Г. Б.-Л.) Dr. Münzer⁵⁰, который, отправляясь сюда из Берлина, получил от Гиршфельда поручение: „schaffen Sie mir Ivanov aus Rom weg!“⁵¹. Он передал мне die grösste Unzufriedenheit⁵² нашего maestro по случаю моей медлительности и нерешительности, настойчивые требования явиться в Берлин, убеждения не трусить и т.д. До сих пор я еще не отвечал Гиршфельду, чтобы иметь возможность написать что-нибудь определенное, и имею все данные, чтобы предполагать, что его недовольство, пройдя все ступени гнева, достигло в настоящее время крайней Wuth⁵³. Теперь, однако, собираюсь писать. Я надеюсь, что приблизительно через неделю будет своевременно попросить его, как декана, о разрешении прислать ему мою диссертацию с прошением и пр. по почте; сам я явился бы тогда прямо к экзамену. Если бы он, на что, впрочем, есть мало вероятия, не разрешил такую присылку, чтобы не отступать от буквы устава, то я по окончании диссертации должен буду остаться в Риме, чтобы повторить, что нужно к экзамену. Если же я получу разрешение, то через несколько недель надеюсь отослать манускрипт, сам же опять-таки принужден буду остаться на месте. Вполне исполнить желание Гиршфельда, т.е. представить работу в апреле мне во всяком случае невозможно: еще нужно пересмотреть ее, написать приложения, переписать. Что касается экзамена, то сдавать его можно или до летних фери, т.е. до августа или после них, т.е. со второй половины октября. Как ни жаль, что нельзя будет устроить экзамен и защиту в деканство Гиршфельда, которое истекает 15 октября, но нет возможности поспеть к июлю и остается взять на себя обязательство приехать в Берлин в октябре. Итак, придется просидеть еще несколько месяцев в Риме»⁵⁴.

23 апреля Иванов направляет из Рима письмо Гиршфельду, в котором объясняет причины незавершенности своей диссертационной работы и просит перенести экзамен на осень. «Мне крайне досадно, особенно после Вашего увещевания, что я не в состоянии сообщить Вам, что выполнил Ваше желание относительно завершения моей работы в этом месяце. Мне так и не удалось, несмотря на все мои усилия, довести ее до нужного состояния и не приходится надеяться, что в оставшиеся несколько дней я буду иметь возможность пересмотреть уже готовый текст, снабдить его цитатами и некоторыми еще недостающими примечаниями и переписать набело. Кроме того, прибавляется еще и то обстоятельство, что необходимая систематическая подготовка к устному экзамену, несмотря на мои прежние относящиеся к этому занятию, все же требует некоторого времени, а потому я должен сделать тягостное признание, что для меня было бы невозможным сдать докторский экзамен уже в летний семестр, и я буду вынужден перенести его на начало зимнего семестра, так что мое огромное желание сдать экзамен при Вашем деканате, к моему глубокому сожалению, вряд ли может быть исполнено, так как экзамены, насколько мне известно, возобновляются только 15 октября.

Поэтому я имею честь покорно просить Вашего разрешения после завершения моей диссертации (стало быть, приблизительно в мае) послать Вам ее как декану

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 14 об.

⁵⁰ Ф. Мюнцер (Münzer) (1868–1942) – немецкий историк-антиковед и филолог.

⁵¹ «Вытащите мне Иванова из Рима» (нем.).

⁵² «Величайшее недовольство» (нем.).

⁵³ «Ярости» (нем.).

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 15 об.

вместе с прошением о допуске к экзамену и т.п., чтобы я мог спокойно провести в Риме еще несколько месяцев для подготовки к устному экзамену. Тотчас после осенних каникул я смогу приступить к экзамену. Мне отказано в чести и удовольствии получить промоцию от Вас как декана, но я надеюсь, что Вы, по крайней мере, формальным получением моей диссертации инаугурируете мое выдвижение. В случае, если Вы сообразовываете удовлетворить эту просьбу, я приложу все усилия к тому, чтобы прислать Вам свою работу как можно скорее»⁵⁵.

В мае Гиршфельд прислал Иванову ответ, который вряд ли мог обрадовать будущего диссертанта. «Мне очень жаль, – писал Гиршфельд, – что я уже не смогу выдвигать Вас на степень, но будет правильным, чтобы Вы сразу же дали о себе знать, когда завершите подготовку. Прежде этого я не могу принять Вашу работу. Вы должны сначала направить ее с формальным уведомлением. Так что, если Вы приедете около начала или середины октября, Вы сможете успеть на устный экзамен в начале ноября... Итак, до встречи осенью»⁵⁶.

Наступил ноябрь 1893 г., но диссертация так и не была завершена. 12 ноября Иванов в письме Гревсу писал: «Дела идут плохо: сижу хронически в Риме, да еще чувствую себя, как нравственно, так и физически очень неудовлетворительно. Работаю очень непроизводительно и скоро устаю от работы»⁵⁷. В том же письме Иванов сообщает о своей встрече в институте с Моммзенем. «Он живет теперь в Риме. 8го числа был его юбилей, и в этот день он уезжал куда-то из Рима. Я был однажды у него в Институте, около 8 часов утра: после 8 часов он уже уходит в Ватикан и часто не возвращается домой целый день. Свидание особенного интереса и результатов не имело, но побудило меня еще раз пересмотреть одну главу работы, так как в разговоре он выдвинул энергично на первый план некоторую уже ранее им высказанную теорию, которую я не считал (да и теперь, признаться, не считаю) могущею быть примененной к данному случаю. До сих пор ломаю себе голову над оракулом старика. Относительно докторства сказал, что должно "diese rein äusserlichen Dinge rasch abmachen"⁵⁸. Он имеет, к моему большому удовольствию, гораздо более бодрый, чем прежде вид; удивительно подвижен и неутомим, путешествует всюду с дочерью... Итальянцы о нем часто пишут в газетах»⁵⁹.

В первый день 1894 г. Иванов направил в Берлин новое письмо Гиршфельду, в котором объяснял причину незавершенности диссертации и рассказывал о встрече с Моммзенем. «Не стремясь снять с себя ответственность за свое долгое промедление, я не могу не упомянуть и то обстоятельство, что последние три-четыре месяца я чувствовал свою работоспособность подорванной, и, наконец, убедился, что заболел малярией. Теперь мое здоровье, кажется, поправилось, но я уже не надеюсь, что смогу приехать в Берлин в этом семестре. К тому же, при последней переработке моей диссертации, некоторые пункты еще оставались мне не ясны. Поэтому я обратился к господину профессору Моммзену, чтобы изложить свои взгляды на природу последовательной убедительностью. Во всяком случае, мне было полезно, что он подчеркнул неизвестную мне, впрочем, и ранее противоположность договора между частными лицами и договора между государством и частными лицами. И теперь, я полагаю, что достигнутые результаты полностью подтверждены. Надеюсь, что вскоре смогу представить их на Ваш суд»⁶⁰.

5 января – новое письмо Гревсу. «О себе не могу сказать ничего хорошего. Прошлый год – почти вовсе потерянный для меня год. В последние месяцы дело вовсе

⁵⁵ См. *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 370.

⁵⁶ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 4.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 18.

⁵⁸ «Быстро завершить все эти чисто внешние вещи» (нем.).

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 18 об.

⁶⁰ См. *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 371–372.

не шло. Дело в том, что я заболел малярией – той самой малярией, в существование которой почти не верил. Она много повредила моим занятиям»⁶¹.

21 января Гиршфельд в ответном письме Иванову настаивает: не затягивать завершение диссертации и сдачу докторского экзамена. «Сожалею, что из-за Вашей болезни срок экзамена снова передвигается; надеюсь, что не надолго! Я убедительно прошу Вас подать в качестве диссертации только часть Вашей работы, лучше всего об организации сообществ откупщиков; тогда Вы вскоре сможете опубликовать и книгу об этом, но диссертацию необходимо выдержать в определенных пределах объема»⁶².

Иванов продолжает работать в библиотеке археологического института, посещает заседания. Его имя (V. Ivanov) указано среди присутствующих на заседаниях 8 декабря 1893 г. (в память о Винкельмане) и 26 января 1894 г.; вместе с ним в заседании участвовали такие известные ученые как А. Мау⁶³, Ф. Мюнцер, Вюнш⁶⁴, Блох, Спиро⁶⁵, Шёне, Л. Паллат⁶⁶, а также Крашенинников, А.А. Павловский⁶⁷, он был и на заседании 9 февраля 1894 г., где присутствовали Мау, Белох, Бох, Конзе⁶⁸, Вюнш, Паллат, Лумброзо⁶⁹, Мюнцер, А.М. Миронов, А.А. Павловский – о встречах с двумя последними в Риме Иванов упоминает также и в письме к Гревсу от 5 января 1894 г.

13 мая 1894 г. Иванов сообщает Гревсу, что ждет его в Риме, куда Гревс собрался приехать во время намечаемой им научной командировки за границу. «К моей радости, обстоятельства благоприятствуют осуществлению Вашего плана. Вы еще застанете меня в Риме; мы будем иметь возможность и поработать одновременно здесь и, быть может, вместе постранствовать... В августе, быть может, я окончательно покину Рим... Но будущее – θεῶν ἐν γούνατι...⁷⁰. Писать много и повествовать о себе и своих делах – нет охоты»⁷¹.

Обстоятельства, приятные для возможной встречи друзей, не были столь радостными для выполнения намеченных планов по сдаче экзамена и завершении диссертации. В начале августа Иванов направился во Флоренцию – город, «который снова в такой сильной степени возбудил мою нестерпимую фантазию и мое художественное слово... И при этом это – город Данте, которого я обожаю... И город Микель-Анджело»⁷². В это же время в его жизни происходят важные события: он обменивается письмами, а затем и вновь встречается с Лидией Дмитриевной Шварсалон, с которой Иванова познакомил Гревс во Флоренции еще летом 1893 г. Новая встреча решительно изменила его жизненные планы и творческие установки; она, говоря словами самого Иванова, «была подобна дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело, зазеленело»⁷³.

Работа над диссертацией была остановлена. В письме Гревсу от 16/4 октября 1894 г. Иванов писал: «Живем мы в этом милом месте очень мило (подчеркнуто

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 20.

⁶² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 5.

⁶³ А. Мау (A. Mau) (1840–1909) – немецкий археолог и антиковед-филолог, долго жил в Риме и работал библиотекарем в Германском археологическом институте; у него проходил научную стажировку М.И. Ростовцев.

⁶⁴ Р. Вюнш (R. Wünsch) (1869–1915) – археолог.

⁶⁵ Ф. Спиро (F. Spiro) – филолог-классик.

⁶⁶ Л. Паллат (L. Pallat) (1867–1946) – археолог.

⁶⁷ А.А. Павловский (1856–1913) – историк искусств, преподавал в Петербургском университете, затем профессор Новороссийского университета в Одессе.

⁶⁸ А. Конзе (A. Conze) (1831–1914) – археолог; с 1887 по 1905 г. работал Генеральным секретарем Германского археологического института в Берлине.

⁶⁹ Дж. Лумброзо (G. Lumbroso) (1844–1925) – итальянский антиковед, папиролог.

⁷⁰ «На коленях богов» (греч.). Фраза из «Одиссеи» (I. 267).

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 23 об.

⁷² Там же. Л. 29 об.

⁷³ См. Иванов. Собр. соч. Т. 1. С. 20. Иванов решил развестись со своей женой Д.М. Дмитриевской и жениться на Л.Д. Шварсалон (урожденной Л.Д. Зиновьевой).

Ивановым. – Г.Б.-Л.), очень уединенно, пользуясь только обществом Лидии Дмитриевны... Кроме всего остального, во Флоренции написать что-нибудь подобное очень трудно – при отсутствии нужных пособий»⁷⁴. В подробном письме от 6 ноября к Гревсу о диссертации и подготовке к экзамену в Берлине, уже ничего не сообщается, хотя Иванов внимательно обсуждает отдельные разделы готовившейся Гревсом работы о Горации.

10 января 1895 г. Иванов возвратился в Рим с твердым намерением завершить диссертацию и подготовиться к экзамену. Вот что он пишет Гревсу из Рима 11 января: «Какая радость снова видеть Рим, где все так знакомо и так мило и дорого!.. Приехал я сюда вчера вечером и намереваюсь пробить здесь недель шесть, чтобы наедине поприлежнее приняться за свои дела, прежде же всего, привести свою работу в окончательный вид, сделать ее druckfertig⁷⁵ и даже, если представится возможность, переписать заново. Семью я оставил во Флоренции, куда буду теперь стремиться душой и где рассчитываю по возвращении из Рима, провести еще некоторое время в приготовлениях к экзамену. В апреле надеюсь я лично представить в Берлине свою диссертацию, после чего, в случае, если увижу, что остальная процедура докторирования затянется на ряд месяцев, съезжу, быть может, на короткое время в Москву... Если случится поехать в Россию до окончания промоции, то семью я оставляю там, а сам вернусь в Берлин и буду стараться, во что бы то ни стало, окончить это дело в течение летнего семестра. Диссертацию, во всяком случае, желал бы я представить в факультет до поездки в Россию. Таковы мои настоящие планы; ехать же в Берлин немедленно, как советуете Вы и Крашенинников, для меня невозможно»⁷⁶. 25 февраля в письме Л.Д. Зиновьевой он также сообщает о работе над диссертацией: «Я принялся за переписку диссертации. Так как это дело сложное, требующее многих справок и размышлений то, с одной стороны, лучше бы мне окончить ее здесь, с другой – оно может затянуться – например, до половины марта»⁷⁷.

Иванов продолжает посещать институт, заседания и лекции, которые там проходили. В архиве сохранилась запись о посещении им заседания 1 марта 1895 г. На этом заседании присутствовали уже знакомый ему Шёне, а также итальянский археолог Ф. Барнабей⁷⁸, русский антиковед В.И. Модестов⁷⁹. В начале марта Иванов был еще в Риме, значительно продвигая, говоря его словами, «срок своего римского паломничества» (письмо Гревсу от 8 марта 1895 г.)⁸⁰. «Причина этому та, что я хотел, по крайней мере, начать переписку диссертации начисто в Риме, чтобы увидеть, как пойдет дело. Окончить переписку здесь мне, вероятно, не удастся; но значительная, если не большая часть работы, будет сделана... Напомню, однако, что и в своем, так и в Вашем интересе очень хотелось бы мне съехаться с Вами в Берлине: а там я намереваюсь быть в мае»⁸¹. В конце марта он пишет Л.Д. Зиновьевой в Петербург: «Я спешно набросал эти строки, чтобы думать затем только о твоей сопернице – моей диссертации (письмо от 27 марта)»⁸².

В письмах Гревсу 1892–1895 гг. Иванов предстает блестящим историком-антиковедом и тонким филологом-классиком, превосходно знающим специальную научную литературу. Его замечания по темам, затронутым в диссертации, которую готовил Гревс, отличаются не только глубиной филологических познаний и высочайшим про-

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 32 об. – 33.

⁷⁵ «Готовый к печати» (нем.).

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 47–47 об.

⁷⁷ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 37. Л. 39 об.

⁷⁸ Ф. Барнабей (F. Barnabei) (1842–1922) – археолог.

⁷⁹ В.И. Модестов (1839–1907) – известный русский филолог-классик, преподавал в Новороссийском, Казанском, Киевском и Петербургском университетах, долго жил в Италии.

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 50 об.

⁸¹ Там же. Л. 50 об.

⁸² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 38. Л. 30 об.

фессионализмом, но и широтой общеисторических взглядов, острым критическим подходом к анализу труднейших античных текстов.

И вместе с тем письма наполнены суперкритицизмом в оценке собственной научной работы, неверием в свои творческие возможности. «Моя недостаточная научная продуктивность свидетельствует об отсутствии решительно выраженного таланта и той научной наглости, которую я хочу культивировать. Заблуждаетесь Вы и относительно моей мнимой нерешительности: будь я достаточно подготовлен, я бы не медлил более ни минуты; но именно моя неподготовленность обуславливает мой образ действий» (письмо Гревсу от 11 января 1895 г.)⁸³.

Но Берлин ждал Иванова, и диссертацию надо было завершать.

12 октября 1895 г. Иванов прибывает из Парижа в Берлин и в тот же день в письме Л.Д. Зиновьевой сообщает, что «взял с собой манускрипт своей диссертации»⁸⁴, но встреча с Гришфельдом и университетской администрацией, очевидно, не состоялась.

Иванов сразу же направился в Петербург. В письмах к Л.Д. Зиновьевой, наполненных лишь мятущимися чувствами любви и сомнений о будущем, встречаются строки и о диссертации, которую предстояло представить к защите.

В письме от 21 октября / 9 ноября он рассказывает весьма любопытную историю. М.Н. Крашенинников, с которым он очень сдружился в Риме, вернувшись в Петербург, предпринял попытку устроить Иванову магистерский экзамен в России. Видимо, бесконечная оттяжка сдачи экзамена в Берлине заставила друзей искать другие возможности. «Крашенинников вздумал (основываясь на одном лишь мнимом прецеденте) сделать меня, без докторского диплома, прямо магистром и спрашивал проф[ессора] Помяловского⁸⁵, возможно ли непосредственное допущение меня к магистерскому экзамену; на что получил, конечно, ответ отрицательный, но сопровождаемый советом заменить немецкую "промоцию" (на дороговизну которой жаловался за меня мой радатель) – экзаменом в весенних филологических комиссиях, выдержание которого (а он для меня не труден) даст мне с кандидатским дипломом право как магистрирования, так и учительствования в России. Крашенинников очень ухватился за этот план, но я предпочитаю остаться при плане докторирования в Берлине, – довольный, однако, тем, что на случай неудачи в Германии нашелся новый ресурс: я думаю, что не буду допущен к испытанию в комиссиях, потому что не пробыл установленных четырех лет в русском университете⁸⁶, Помяловский же уверен, что меня министерство диспенсирует от этого требования»⁸⁷.

8 ноября 1895 г. Иванов вернулся в Берлин и на следующий же день в письме Л.Д. Зиновьевой подробно описал свою встречу с Гришфельдом, которую ждал с особым нетерпением. Вот его рассказ: «Вчера на рассвете прибыл я, наконец, в Берлин... Но писать тебе не хотел, прежде чем не увижусь с Гришфельдом и не открою таким образом кампании. И вот, сегодня я перешел Рубикон – порог знакомого кабинета... "Endlich!..."⁸⁸. Мой Meister не изменился ни в обращении, ни наружностью; только седина гуще легла на черные волосы. Он нашел, что я "sehe wohl aus"⁸⁹. Деловитость и сдержанность не допустили его до подробных расспросов о том, как я провел эти годы, – и я был этому рад; он ограничился вопросом, "ob es mir gut gegangen"⁹⁰. Я объяснил ему, что приступаю теперь к давно отложенной "промоции". – "Jetzt wird's ernst"⁹¹, – замечает Meister, и мы рассматриваем диссертацию. Он очень

⁸³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 38 об.

⁸⁴ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 2 об. – 3.

⁸⁵ И.В. Помяловский (1843–1906) – филолог-классик, профессор Санкт-Петербургского университета.

⁸⁶ Как известно, Иванов закончил лишь два курса Московского университета, после чего поехал учиться в Германию.

⁸⁷ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39.

⁸⁸ «Наконец!» (нем.).

⁸⁹ «Хорошо выгляжу» (нем.).

⁹⁰ «Все ли у меня в порядке» (нем.).

⁹¹ «Вот это дело!» (нем.).

доволен моим планом сделать таковою только три или четыре главы всей работы, состоящей из двенадцати глав, но подать в факультет рукопись целиком для ознакомления со связью и результатами всего исследования... Затем он устрашает меня! Он непременно хочет, чтобы я заявил декану о своем желании иметь не его, Гиршфельда, а Моммзена главным рецензентом своей работы, так чтобы Гиршфельду было поручено составление только второй, дополнительной рецензии (Correferat). Его доводы: 1) черед за Моммзеном: предыдущая работа была рецензирована Гиршфельдом; 2) полу-филологический, полу-юридический характер моей работы и вообще ее предмет, более входящий в круг занятий Моммзена, нежели Гиршфельда; 3) мое прежнее участие в семинарии Моммзена. Я не прочь оказать всякое почтение dem alten Herrn⁹², но не хочу для этого жертвовать своими интересами. Обращаю внимание Meister'a на то, что в Моммзене я, наверное, встречу большую оппозицию своим теориям, о чем заключаю из разговора с ним в Риме. Гиршфельд убеждает меня, что разница воззрений несколько не вредит делу, что он с своей стороны будет также официально рецензировать работу, – и безусловно стоит на своем требовании. Я подчиняюсь, и мы решаем, что я немедленно же побываю у Моммзена и, быть может, он сам отклонит предложение реферировать о Вашей диссертации", – утешает Meister. И прибавляет: "обыкновенно главный референт является и экзаменатором". "Но я Вам откровенно говорю, что боюсь экзаменоваться у Моммзена". – "О, это ничего не значит. Он будет спрашивать Вас главным образом по древностям". – "Но он имеет обыкновение предполагать, что каждое примечание его 5-томного "Staatsrecht'a"⁹³ хорошо известно каждому, кто имеет с ним дело". – "Каждое примечание? О, нет. Но "Staatsrecht" Вы и без того должны хорошо проштудировать...". И опять малособлюденное утешение: Моммзен уезжает из Берлина в феврале, и тогда волей-неволей экзаменоваться мне придется Гиршфельду. – Звонюсь в вилле Моммзена, стучусь у двери его кабинета, вижу среди шкафов с книгами den alten Herrn⁹⁴ с седыми локонами и в сером халате. Излагаю ему, скрепя сердце, свое желание иметь его рецензентом своей работы: увы, он и не думает ссылаться на недостаток времени и слагать скучную повинность на плечи младшего коллеги; он говорит только, с иронической миной старой лисы, что не от него зависит принять на себя рецензию, а от решения декана, – как прикажет spectatissimus⁹⁵, так он и сделает. Смотрит работу, одобряет план ограничения диссертации несколькими главами, внушает, что это должно оговорить в латинском прошении, подаваемом декану, и ласково (без той сухости, как в Риме) со мной расстаётся... Вывод: мне предстоит сделать выбор глав, намечаемых для ожидаемого отпечатывания с официальной обложкой в виде диссертации, имматрикулироваться⁹⁶, просмотреть всю работу и официально вручить ее вместе с латинским прошением и жизнеописанием и суммой, кажется, в 170–180 марок, декану философского факультета.

Рассмотрение моей диссертации продлится до января или более; я, со своей стороны, не хочу экзаменоваться раньше февраля. Гиршфельд, на вопрос мой, необходимо ли по закону, если нет, то желательно ли для выяснения возможных недостатков при чтении моей работы присутствие мое в Берлине, ответил дважды отрицательно и спросил, не в Россию ли я хочу тем временем съездить, на что я возразил: "Нет, в Париж, где у меня есть друзья и где я спокойно смогу готовиться к экзамену... Благодарю тебя за присылку ста франков; но без внесения вышеозначенной суммы, не могу передать диссертацию и потому принужден опять хлопотать у тебя о кредите... Кроме того, думаю купить "Staatsrecht" – так меня напугал Гиршфельд, – как ни велики эти затраты (около 60 марок) – и несколько других книг"⁹⁷.

⁹² «Старому господину» (нем.).

⁹³ Название труда Моммзена – «Государственное право».

⁹⁴ «Старого господина» (нем.).

⁹⁵ «Высокочтимый» (нем.).

⁹⁶ «Быть зачисленным в списки», от нем. Immatrikulieren.

⁹⁷ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 28–29 об.

16 ноября из Берлина Иванов вновь сообщает Л.Д. Зиновьевой о своих научных планах: «Что касается моих дел, то я, так сказать, окончательно законтрактировался в университете: проделал сегодня ряд формальностей, внес деньги, имматрикулирован и занесен в книгу докторантов. Сегодня спрашивал меня декан и о выборе между Гиршфельдом и Моммзенем, и я назвал Моммзена... Работу, однако, я могу вручить декану только по получении выпускного свидетельства, которого я не выпросил при оставлении университета в 1891 году и которое будет приготовлено через неделю. Остаются еще много дел: придется – mit grosser Ängstlichkeit⁹⁸ – перечитывать свое латинское творение; потом придется отдать переплетчику для брошюровки, составить латинское прошение и жизнеописание и т.д. ...Декан, по-видимому, ничего не будет иметь против моего отсутствия. Экзамен мне крайне хотелось бы сбить с плеч уже в феврале; но перспектива испытания у Моммзена, с обязательством усвоить себе, кроме прочего материала, тысячи четыре тяжелых страниц Staatsrecht'a, – побуждает меня сдерживать свой пыл и воспользоваться пасхальными feriaми⁹⁹ (март и апрель) для приготовления к экзамену»¹⁰⁰.

21 ноября Иванов пишет о том, что все его дальнейшие планы теперь зависят от результатов встречи с деканом. «...По свойственной мне осторожности – боюсь, до разговора с деканом, от которого теперь официально зависит моя участь во всех отношениях, разговор уже этот произойдет, когда я буду передавать ему работу; работу же передать я не могу, не сделав трех вещей: 1) не получив университетского свидетельства, которое обещали приготовить к субботе, 2) не дочитав саму работу до конца (это займет также несколько дней), 3) не сброшюровав ее. Итак, надеюсь покончить официальные дела с деканом в первой половине следующей недели, после чего, вероятно, получу свободу; но всякие случайности могут дело замедлить. Пробуду в Париже, если разрешит декан и всемогущие Парки¹⁰¹, до мая. Когда я подумаю, что целых четыре месяца буду еще висеть в воздухе, мне становится как-то стыдно, но сунуться на экзамен, да еще к Моммзену, уже в феврале – препятствует внутренний демон»¹⁰².

В письмах Гревсу, отправленных в декабре уже из Парижа, куда Иванов приехал после посещения Берлина и встреч с Гиршфельдом и Моммзенем, он рассказывал о своих научных делах. «В Берлине был очень занят формальностями, соединенными с представлением диссертации, и пересмотром последней. Покончив со всем этим, я отправился в Париж, где намереваюсь пробыть до экзамена, который может состояться, по моему мнению, только в начале мая... В настоящее время бедная работа моя, вероятно, рассматривается Моммзенем. По воле Гиршфельда, я должен был представить заведомому и страшному противнику моих теорий роль главного референта; сам Гиршфельд пожелал быть корреферентом. В связи с этим роковым обстоятельством находится ивероятность, что Моммзен будет вместе и моим экзаменатором (если только вернется к этому времени из путешествия по Франции и Италии). Я погружен теперь поэтому, по совету Гиршфельда, в чтение "Staatsrecht'a"»¹⁰³ (письмо от 11 декабря 1895 г.). В письме Зиновьевой от 22 декабря Иванов рассказывает о новой встрече с Моммзенем:

«Вчера я был у Моммзена, но пришел к старику, видно, не в добрый час. Он принял меня церемонно, в салоне, с таким видом, точно образ мой никогда раньше не отражался на его сетчатой оболочке.

– Im vorigen Jahr haben Sie die Güte gehabt, die Recension über meine Arbeit zu übernehmen¹⁰⁴ (Говорю, как научил меня Гиршфельд.)

⁹⁸ «С огромной нерешительностью» (нем.).

⁹⁹ «Каникулы» (нем.).

¹⁰⁰ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 32 об. – 33.

¹⁰¹ Древнегреческие богини Судьбы.

¹⁰² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 39–39 об.

¹⁰³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 52–52 об.

¹⁰⁴ – В прошлом году Вы любезно взяли на себя рецензирование моей работы; мне было бы очень важно взглянуть на эту рецензию, прежде чем работа будет отдана в набор (нем.).

- Ja, Ich habe Ihre Arbeit durchgesehen... aber ich erinnere mich an dieselbe nicht mehr.
- Sie gehandelte die Frage über die Publicanen...
- Ja, das weiss ich, über die Publicanen... aber sie ist mir nicht mehr erinnerlich. Auch ist mein Referat wohl nicht eingehend genug und kann Ihm kaum von nutzen sein.
- Im Gegentheil, Prof. Hirschfeld sagt mir, Sie haben sich ziemlich ausführlich über meine Arbeit ausgesprochen.
- Wollen Sie denn dieselbe umarbeiten?
- Ich glaube, ich würde dazu jedenfalls nicht Zeit genug finden, aber ich möchte mich doch vor der Drucklegung Rechenschaft ablegen über das Verhältnis Ihrer Ansichten zu den meinigen¹⁰⁵.

В заключении Моммзен просит меня зайти еще раз, после того как он снова посмотрит работу, и – уже в передней – поручает меня просить декана от его имени о доставлении ему снова моей диссертации вместе с его рецензией, назначает мне опять быть у него 2го или 3го января. – Иду тотчас к Гиршфельду, который живет неподалеку, – и рассказываю wie mein Besuch bei M. abgelaufen ist¹⁰⁶. Услышав мою повесть о слабости памяти знаменитого человека, – он хохочет. "И все же Вам необходимо будет, при новом свидании сказать ему: Wünschen Sie mich zu prüfen oder soll ich mich an Prof. Hirschfeld wenden?.. Es geht nicht anders: er war ihr Hauptreferent"¹⁰⁷. – Далее он говорит об экзамене: ich mache mir zu viele Gedanken¹⁰⁸, я пройду во всяком случае, он уверен в моем знании Staatsrecht, Моммзен также будет иметь gutes Vorurtheil¹⁰⁹ на основании своего отзыва о работе и т.д.».

Некоторые подробности о диссертации излагаются и в письме Гревсу от 28/16 декабря 1895 г.: «Сердечно благодарю Вас, дорогой Иван Михайлович, за дружеское "муссирование" моей работы. "Posthac, quidquid scripsero, tibi praeconium deferam!.."¹¹⁰ Но подобает ли вообще "преконизировать" не родившуюся книгу приятеля? Об этом предоставляю подумать и решить Вам. Только не величайте меня доктором и даже не сообщайте об официальном назначении моей работы. Тем более, что, по совету берлинских maestri, я определил лишь четыре главы из 12 (II, III, IV, V), представив остальное только "pro notitia"¹¹¹, как выражается Моммзен. Проще всего сказать: "в имеющем выйти в свет в непродолжительном времени исследовании В.И. (De societatis etc., Берлин [или Berolini], 1896)"»¹¹².

Эта книга, как известно, в Берлине издана не была, а была напечатана в Санкт-Петербурге в 1910 г., но строки письма Иванова – важное свидетельство того, что он надеялся опубликовать диссертацию в Германии уже в 1896 г.

30 декабря 1895 г. Гиршфельд направил Иванову, находившемуся в Париже, краткую почтовую открытку, в которой писал: «Моммзен приветствовал Вашу работу и, хотя он выражает несогласие с некоторыми пунктами, высказывает очень благоприятное суждение о ней, к которому я, прочитав работу, присоединяюсь. С этой стороны, конечно, не может возникнуть никаких возражений против допуска Вас к

¹⁰⁵ – Да, я просмотрел Вашу работу... но теперь уж больше ее не помню...

– В ней дело шло о публикациях...

– Да; знаю, о публикациях... Но припомнить ее не могу. К тому же мой отзыв, пожалуй, недостаточно подробен и вряд ли может быть Вам полезен.

– Напротив, проф. Гиршфельд говорит мне, что вы довольно подробно высказались о моей работе.

– Вы хотите ее переработать?

– Думаю, для этого у меня в любом случае не нашлось бы достаточно времени, но еще прежде печати мне хотелось бы дать себе отчет об отношении ваших взглядов к моим (нем.).

¹⁰⁶ Как прошел мой визит к М[оммзену] (нем.).

¹⁰⁷ «Будете ли Вы экзаменовывать меня или мне обратиться к проф. Гиршфельду?... Иначе нельзя: он был Ваш главный рецензент» (нем.).

¹⁰⁸ «Я-де слишком много об этом думаю» (нем.).

¹⁰⁹ «Заведомо доброе суждение» (нем.).

¹¹⁰ «Что бы я ни написал после этого, хвалу воздам тебе» (лат.).

¹¹¹ «Для ознакомления» (лат.).

¹¹² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 55–55 об.

экзамену. 14 января Моммзен едет в Италию и к началу летнего семестра, видимо, уже вернется сюда»¹¹³.

Основываясь на этих словах Гиршфельда, Иванов, судя по его письму Гревсу 3 февраля / 22 января 1896 г., намечал защиту своей диссертации на июнь.

Вот что он писал из Парижа Гревсу в Санкт-Петербург, излагая содержание письма Гиршфельда: «Подумайте, не можем ли мы съехаться в Берлине, где я должен буду защищать диссертацию в июне, где Вы украсили бы мой диспут и познакомились бы с maestri... В ответ на вопрос Ваш о вестях из Берлина рад сообщить Вам, наконец, очень важный для меня факт, – что я получил, в вечер под Новый год, следующее известие Гиршфельда¹¹⁴... Он пишет, что Моммзен уезжает в Италию в половине января, но намеревается быть снова в Берлине к началу летнего семестра. Если он осуществит это намерение, мне, что всего вероятнее, придется держать экзамен у него»¹¹⁵.

Закончить полностью диссертацию и подготовиться к экзамену к июню Иванов, однако, не успевал. Тому были и весьма серьезные причины: в апреле умерла его мать, к которой он относился с особым благоговением. Иванов написал о кончине матери Гиршфельду и получил в ответ небольшую открытку, датированную 17 июня 1896 г.: «Мои сердечные соболезнования по поводу смерти Вашей матери. Я очень сожалею, что из-за этого Ваша промоция подверглась переносу... Я говорил с деканом, и он просил меня сообщить Вам, что перенес срок Вашего экзамена на начало ноября, но ни при каких обстоятельствах Вы не должны более передвигать сроки»¹¹⁶.

В письме Л.Д. Зиновьевой от 2 января 1897 г. Иванов рассказывает о своей встрече с Гиршфельдом. «[Гиршфельд] был по обыкновению очень мил; посоветовал мне между прочим идти к Моммзену... и по вопросу об экзамене просто сказать ему: "Wie soll ich dem Decan sagen, ob Sie oder Prof. H[irschfeld] mich prüfen werden"»¹¹⁷.

Встреча с мэтром была, очевидно, нелегкой для молодого ученого, ибо в письме от 6 января к Зиновьевой он писал о «проделках Моммзена».

Описание встречи и зарисовки облика Моммзена, перед научным гением которого преклонялся тогда весь научный мир Европы, столь красочны, что их стоит привести, тем более, что от его отзыва во многом зависела судьба Иванова как антиковеда:

«Жду вчера в гостиной. На лестнице сверху, из кабинета, слышен крадущийся шорох и шелест. Мне знакомо это шуршание. *Le chétif grand savant s'approche*¹¹⁸. Маленький, тщедушный в сером шлафроке¹¹⁹, он горбится, словно под тяжестью белых кудрей, лежащих по плечам, и жмется, как будто ему свежо. Через очки из-под темных бровей, холодно и неприветливо смотрят острые темные глаза. Складки выразительно бороздят бритое старческое худое лицо и придают скептическую горечь плотно сжатым губам, на которых мгновениями заметна ироническая улыбка. Несколькими старчески потухшее выражение трезвой и вдумчивой сосредоточенности ежеминутно нарушается как бы легкими конвульсиями внутренней жизни, выражающейся в маленьких нервных жестах, игре мускулов лица, вспышках живых глаз. Он передает мне свою визитную карточку, на которой написано: "Ich habe nichts dagegen einzuwenden daß Herrn Ivanov mein Gutachten an Herrn Decan mitgetheilt wird"¹²⁰.

"Акта", т.е. мою работу и свою рецензию, он уже отослал декану. Я выражаю свою благодарность... Сидя затем на кресле против меня и слегка улыбаясь, он произ-

¹¹³ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 6.

¹¹⁴ Затем следуют по-немецки строки из письма Гиршфельда от 30.XII.1895, которые мы уже приводили.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 61–61 об.

¹¹⁶ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 7–7 об.

¹¹⁷ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 6. «Как мне сказать декану: будете ли экзаменовать меня Вы или профессор Гиршфельд» (нем.).

¹¹⁸ «Тщедушный великий ученый приближается» (франц.).

¹¹⁹ «Домашний халат» (нем.).

¹²⁰ «Мне нечего возразить против того, чтобы мой отзыв господину декану был сообщен господину Иванову» (нем.).

носит: "Ich bin mit Ihrer Arbeit unzufrieden. An der Construction ist vieles auszusetzen. In einigen Jahren werden Sie es machen können. Aber eben – wir hören auf, und Sie fangen an..."¹²¹.

Что касается результата, т.е. что работа принята, это ведь уже мне известно. Я бы желал слышать от него дополнительные разъяснения к его рецензии, если это будет необходимо; он не думает, чтобы это было необходимо, притом, его память слаба, он уже не помнит хорошо моей работы, прочитанной год тому назад. – Как должен я сказать декану относительно экзамена? – О выборе экзаменатора ведь улаиваются между собою декан и экзаменуемый, но он со своей стороны согласен экзаменовать меня, моего заявления теперь для него достаточно, я не имею нужды еще беспокоиться и приходить к нему, чтобы условиться об этом. – Прощание. – Импрессионированный столь резкой формулировкой протеста против моих научных ересей, я иду к Гиршфельду, чтобы заявить ему свое удивление его крайнему оптимизму в оценке впечатления, произведенного на Моммзена моей многострадальной работой. Но Гиршфельд в университете.

Сегодня утром являюсь к Гиршфельду, рассказываю ему свой визит. Он уверяет, что рецензия была "recht günstig"¹²² и что М[оммзен] хотел только "zugespitzt"¹²³ – выразить свое несогласие с моими теориями, которые ведь и его, Гиршфельда, не убедили, за отсутствием "eines positiven Beweises"¹²⁴; на что я замечаю, что еще не потерял надежду убедить его, если он захочет потом, внимательнее прочесть диссертацию. Далее, я указываю на то, что в виду столь решительного неодобрения с одной стороны, и "слабости памяти" Моммзена, с другой, благодаря которой впечатление моей работы, если оно было сколько-нибудь благоприятным, изгладилось, – я не думаю, чтобы он явился на мой экзамен "mit dem guten Vorurtheil"¹²⁵, о котором говорил Гиршфельд, и вместе с тем спрашиваю, считает ли он вопрос об экзамене решенным. Г[иршфельд] восклицает, что, конечно, теперь он и не решился бы экзаменовать меня, раз Моммзен выразил свою готовность и пр[очее], но, по-видимому, полностью импрессирован и озабочен случившимся. Я в свою очередь признаю ему, что отчасти декуражирован и хочу экзаменоваться недели на две позднее. Г[иршфельд] отвечает, что не хочет торопить меня. Затем начинает рекомендовать для приобретения и показывать разные книжки, по которым удобнее всего в короткое время возобновить в памяти все существенное.

В заключение, я прошу извинить меня, если не явлюсь на праздник Института: теперь мне не до того, я занят, и являться туда "im meinem unfertigen Zustande"¹²⁶ мне не хочется. "Am Ende verstehe ich, dass Sie nicht kommen wollen"¹²⁷, – заключает Гиршфельд.

Я еду в университет, присутствую на защите одной диссертации (о Шопенгауэре), чтобы говорить потом с деканом, узнаю от него, что заседание факультета состоится как 21, так и 28 января, сообщаю ему о своем намерении экзаменоваться позднее, около половины февраля, на что он вполне согласен, – представляю карточку Моммзена и читаю "Gutachten..."¹²⁸. – Но прежде замечу для твоего успокоения, что оттягивая еще "Termin"¹²⁹, как это решительно необходимо в виду возможности всяких неожиданностей со стороны Моммзена, я едва ли сколько-нибудь замедляю дело, так как если бы даже успел защитить диссертацию в феврале (что теперь будет уже неис-

¹²¹ «Я не доволен Вашей работой, в структуре много недостатков. За несколько лет Вы смогли бы это сделать. И все же – мы заканчиваем, а Вы начинаете» (нем.).

¹²² «Очень благоприятная» (нем.).

¹²³ «В заостренном виде» (нем.).

¹²⁴ «Положительного доказательства» (нем.).

¹²⁵ «С добрым предрасположением» (нем.).

¹²⁶ «В моем неготовом состоянии» (нем.).

¹²⁷ «Пожалуй, я понимаю, что Вы не хотите приходить» (нем.).

¹²⁸ «Отзыв» (нем.).

¹²⁹ «Срок» (нем.).

полнимо), печатание остальной работы задержало бы меня до начала другого семестра (половина апреля), теперь же только защита переносится на апрель.

"Gutachten", насколько я мог запомнить (п[отому,] ч[то] списать его было нельзя, и самое разрешение прочесть его возбуждает изумление педелей¹³⁰) и гласит так: "Die Arbeit des Herrn I. geht in vieler Hinsicht über Maß hinaus, welches wir gewöhnt sind bei Promotionen zu verlangen. Sie zeigt eine ... Beherrschung (или что-то подобное) des reichen Materials (приблизительно) von Schriftstellern und Inschriften in umfassender Weise, eine sorgfältige Benutzung (не то слово) der philologischen Literatur, eigenes Denken und endlich eine Fähigkeit, den spröden Stoff in einer correkten, wenn auch nicht immer bequemen und oft verkünstelten lateinischen Rede darzulegen. Wenn ich dieses Lob ausspreche, so... (смысл: so muß ich andererseits auch sagen), daß der Verfasser seine Kräfte überschätzt hat und den sehr großen (или außerordentlichen или т.п.) Schwierigkeiten der gewählten Aufgabe¹³¹ vielfach nicht gerecht geworden ist"¹³². Переход к отдельным возражениям против 4 первых глав, очень коротким, и из которых ни одно не осталось мною непредвиденным, непродуманным и неустраненным в моей работе, так что ни одно не убедило меня. Возражения показывают, что М[оммзен] не изучил мою работу достаточно глубоко, не понял меня, одним словом, до конца, и что – прибавлю я, как это ни кажется смелым, – старик не имеет достаточной духовной подвижности, чтобы, сойдя с привычной почвы, стать на точку зрения молодых; устное прибавление – "wir hören auf, und Sie fangen an"¹³³ – кажется мне неизменным. Я решительно убежден в справедливости своей теории и считаю невозможным занять другую точку зрения через несколько лет. Впрочем, меня это мало затрагивает за живое. "Gutachten" кончается так. "Ich empfehle nicht nur, wie gesagt, die Arbeit des Herrn Ivanov zuzulassen, sondern auch sie als diligenter et subtiliter factam zu bezeichnen, in diesem Sinne, daß der Positiv mehr bedeutet als der landesübliche Superlativ"¹³⁴. Следует пометка Гиршфельда. "Einverstanden. Н."¹³⁵ – Какое впечатление произведет на тебя эта рецензия? Напиши. Diligenter – значит "тщательно"; "Subtiliter" – скорее всего соответствует "тонко", когда говорится, например, о тонком анализе и т.п. Эти слова будут значиться в дипломе»¹³⁶.

Иванов, как следует из его письма Л. Зиновьевой от 28/16 января, не оставлял мысли опубликовать свою книгу в Германии (вспомним, что об этом же он писал Гревсу и в конце декабря 1895 г.). Он посещает издателя, чтобы «узнать принципиально, возьмется ли он и на каких условиях издать книгу». Издатель «выразил, во-первых, сожаление, что исследование написано не по-немецки, потому что тогда сбыта его было бы больше: юристы и экономисты не читают по-латыни. Затем желает получить с меня за все 300 марок "à fond perdu"¹³⁷, причем поставляет нужное мне число экземпляров диссертации бесплатно. Можно и по-другому условиться: я печатаю

¹³⁰ От нем. Pedell – «сторож, служащий учебного заведения».

¹³¹ «Это косвенное неодобрение выбора темы объясняется совершенно преувеличенным представлением Моммзена о ее важности и трудности; хотя, действительно, до сих пор все многочисленные попытки разрешения этой проблемы никого, кажется, не удовлетворили» (приписано Ивановым внизу страницы).

¹³² «Работа господина И[ванова] во многих отношениях превосходит меру, которую мы привыкли требовать при промоции. Она показывает... владение (или что-то подобное) богатым материалом (приблизительно) авторов и надписей в большом объеме, тщательное использование (не то слово) филологической литературы, самостоятельную мысль и, наконец, способность изложить деликатный материал правильной, хотя и не всегда легкой и часто искусственной латинской речью. Выказывая эту похвалу... (смысл: с другой стороны, я должен сказать), что автор переоценил свои силы и слишком неверно оценил большие (или чрезвычайные и т.п.) трудности избранной задачи».

¹³³ «Мы завершаем, а Вы начинаете».

¹³⁴ «Я не только рекомендую, как уже сказал, допустить работу господина Иванова, но и даже означить ее как diligenter et subtiliter factam [тщательно и тонко выполненную. – Г.Б.-Л.], в том смысле, что позитив означает больше, чем обычный суперлатив».

¹³⁵ «Согласен. Н[irschfeld]».

¹³⁶ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 9–11 об.

¹³⁷ «Полностью потерянный» (франц.).

у него книгу за свой счет (он говорит, что это обойдется в 450–500 марок) и получаю половину цены с каждого проданного экземпляра. Во всяком случае будет куплено, главным образом библиотеками, экземпляров 120 или больше. Впрочем, это только нормы соглашения. Он желает получить рецензию на мою работу, и если редактор их издания ("Berliner Studien für classische Philologie und Archäologie"¹³⁸), Prof. Seyffart вынесет очень благоприятное мнение о работе, то цена 300 марок может быть понижена. Узнав это, я простился...»¹³⁹.

Денег у Иванова не было, залезать в долги он не мог – предстояли трудные времена официального развода Лидии Дмитриевны с мужем. Публикация книги в Германии не казалась реальной, но от мысли издать книгу Иванов окончательно не отказался. Он просит Лидию Дмитриевну узнать у Гревса – «сколько экземпляров магистерской диссертации требуется представить в России; это мне нужно будет принять в расчет при издании»¹⁴⁰. Возможно, не забыл он и предложение, исходившее от Крашенинникова.

Экзамен так и не состоялся, и степень доктора Иванову так и не была в Берлине присуждена, хотя, как справедливо отмечает М. Вахтель, «Иванов еще долгое время не оставлял планов держать экзамен»¹⁴¹. Об этом свидетельствует тот факт, что Иванов значится в списке студентов Берлинского университета по зимний семестр 1897–1898 г.

Вот как сам Иванов рассказывает об этих событиях в своей «Автобиографической справке» и в «Автобиографии». «В 1896 г. (...) латинское сочинение (De Societatibus Vestigalium) было принято берлинским философским факультетом в качестве докторской диссертации, на основании подробной и одобрительной рецензии, написанной Моммзеном (см. р. 26 adn. 137)¹⁴². Тем не менее, этой работе суждено было появиться в свет только в 1911 г...»¹⁴³.

«Что до моей диссертации, она была представлена в Берлине, и вскоре Гиршфельд обрадовал меня новогодним приветом (1896 г.), присланным в Париж, с припиской, что Моммзен высказался о ней очень благоприятно ("sehr günstig beurtheilt")¹⁴⁴ и что сам он к его оценке в факультете присоединяется. Каково же было мое разочарование, когда, явившись через несколько месяцев к Моммзену, вышедшему ко мне в халатике, я услышал от него: "Вашею работою я собственну недоволен; через несколько лет Вы напишите нечто лучшее". После чего он дал мне свою визитную карточку с просьбой к декану факультета показать мне его отчет. Новое удивление испытал я, найдя в отчете щедрые похвалы, кончавшиеся заявлением, – "um nicht Superlative zu gebrauchen"¹⁴⁵, – что диссертация далеко выходит за обычный уровень и написана "diligenter et subtiliter"¹⁴⁶; следовала детальная полемика с моей теорией (o societas publicanorum)¹⁴⁷, имевшей ту особенность, что она противоречила его собственной. Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и намеку самого Моммзена, был бы просто формальностью; Гиршфельд убеждал меня также по получении докторской степени "габилитироваться" в Германии приват-доцентом. Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, вроде "Государственного права" Моммзена, не обеспе-

¹³⁸ «Берлинские исследования по классической филологии и археологии».

¹³⁹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 24 об.–25.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Wachtel. Вячеслав Иванов... Р. 359.

¹⁴² В латинской диссертации на с. 26, прим. 137 приводится мнение Моммзена и фактический ответ Иванова. См. Иванов Вяч. Общества государственных откупов в Римской республике. *Ivanov Venceslaus. De societatibus vestigalium publicorum*. СПб., 1910.

¹⁴³ Описка Иванова. Книга была издана в 1910 г. См. Котрелев. Ук. соч. С. 189.

¹⁴⁴ «Оценил ее очень благосклонно» (нем.).

¹⁴⁵ «Чтобы не употреблять суперлативов» (нем.).

¹⁴⁶ «Тщательно и тонко» (лат.).

¹⁴⁷ «Об обществах публиканов» (лат.).

чивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этой возможностью не мирилось. Да и не тем уже в то время сердце полно было»¹⁴⁸.

Поэзия целиком захватила Иванова, но он полностью не оставил увлечение античностью («надолго расстаться с наукой я не мог»¹⁴⁹). Он погрузился в изучение дионисийства – тема, привлекавшая его и раньше, но ставшая теперь одной из главных в его научном и поэтическом творчестве.

«Рима, однако, я не оставлял для эллинства и за почти годичное наше пребывание в Англии усердно собирал, в лондонском Reading-Room при Британском музее¹⁵⁰, материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима. Зато в Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса»¹⁵¹.

В Афинах Иванов был тесным образом связан с Афинским отделением Германского археологического института.

В своей «Автобиографической справке» Иванов писал: «С весны 1902 до весны 1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи на камнях (под руководством Дерпфельда¹⁵² и Вильгельма¹⁵³) и в библиотеке Германского археологического института собирал материалы по истории Дионисова культа»¹⁵⁴.

В Афинах, – сообщал он Гревсу (письмо от 2 декабря/ 19 ноября 1901 г.), – «оказалась возможность опять попробовать свои силы в работе, поднялась и бодрость... Кстатi, и научная жизнь Афин пробудилась; начались лекции Dörpfeld'a об архитектурных памятниках и топографии Афин, Пирея и Элевсина (после Рождества начинается еще его курс о театре); я примкнул к участникам эпиграфических упражнений (в музее); буду слушать (после Рождества) и объяснения скульптур; записался на весенние поездки Института в Пелопоннес, Дельфы и на острова (между прочим, Крит¹⁵⁵)... Расстояние от Герман[ского] института и центра Афин – минут 20 ходьбы»¹⁵⁶.

В письме Гревсу от 6 апреля/ 24 марта 1902 г. Иванов сообщает адрес института по-гречески – Γερμανική Ἀρχαιολογική Σχολή, 1, ὁδὸς Φειδίου. (В сноске адрес по-французски – Ivanov Institut allemand Athènes.) Уже из Женевы, куда Иванов приехал из Афин, он писал Гревсу (13 ноября / 31 октября 1902 г.): «Меня радует снова слышать о Ваших учёных замыслах в родной нам обоим области (подчеркнуто мной. – Г.Б.-Л.)... Теперь это так далеко от меня! Божества и культуры, и мифы составляют предмет моих научных рёсoccupations¹⁵⁷. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой, – и "даже экзамен" свой – *horribile dictu!*¹⁵⁸ – я бы мог сдать теперь без значительного труда (до такой степени живуче во мне все давно заброшенное и старинное), если бы не жаль было времени и внимания, отвлекаемых

¹⁴⁸ См. Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 20–21.

¹⁴⁹ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵⁰ В архиве Британской библиотеки (раньше библиотека, которая располагалась в здании Британского музея) сохранились сведения о записи Иванова (и Л.Д. Зиновьевой) в библиотеку. Вяч. Иванов был зарегистрирован в книге читателей 16 сентября 1899 г. на 6 месяцев, а Л.Д. Зиновьева (под фамилией Лидия Иванова) 18 ноября 1899 г. тоже на 6 месяцев. The British Museum. Signatures of Readers. 1899–1901 (№ А. 65403 и А. 65827).

¹⁵¹ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵² В. Дерпфельд (W. Dörpfeld) (1853–1940) – архитектор, археолог, эпиграфист, с 1887 по 1912 г. был первым секретарем Германского института в Афинах.

¹⁵³ А. Вильгельм (A. Wilhelm) (1846–1950) – сотрудник, а затем секретарь Австрийского археологического института, впоследствии профессор греческой истории в Венском университете.

¹⁵⁴ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵⁵ Подчеркнуто Ивановым.

¹⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 105–105 об.

¹⁵⁷ «Занятий» (франц.).

¹⁵⁸ «Страшно сказать» (лат.).

от того, что может иметь будущее, тем, что принадлежит прошедшему, но диссертацию свою мне все же жаль...»¹⁵⁹.

Судьба сложилась так, что диссертация все же увидела свет, и этому в значительной степени способствовал давний друг Иванова М.И. Ростовцев, который уже с весны 1906 г. настоятельно просил (и даже заставлял) поэта сдать латинский текст диссертации для опубликования в «Записках Императорского Русского археологического общества»¹⁶⁰.

Но текст диссертации Иванов, как известно, представил в Берлинский университет, а другого экземпляра у него, видимо, не было. И вот, более чем через 10 лет он обращается к своему прежнему учителю О. Гиршфельду с просьбой прислать ему текст диссертации. 14/1 марта 1906 г. из Петербурга Иванов пишет в Берлин: «После многолетнего молчания напоминаю Вам снова о себе и своих некогда столь усердных занятиях Римом с просьбой о любезной помощи в получении моего *opusculum* а о сообществах откупщиков, уже несколько лет погребенного в архиве Вашего философского факультета»¹⁶¹. Объясняя мотивы своей просьбы, Иванов рассказывает о своих увлечениях поэзией и планах подготовки книги по дионисийству. «Я далеко отошел от римских штудий, так как вступил на литературное поприще, и единственное обстоятельство, которое связывает мою нынешнюю деятельность и творчество с филологией, лежит в области эллинской религии. Я посетил Афины и собрал материал для исследования дионисийского культа, затем почти случайно прочел лекции о дионисийской религии для русской *Ecole des hautes études sociales*¹⁶² в Париже; затем я опубликовал их в виде ряда статей в двух русских журналах¹⁶³ и думаю потом выпустить их отдельной книжкой. При этих обстоятельствах я, конечно, более не помышляю о докторском экзамене, но мои друзья настаивают, чтобы я спас от забвения диссертацию, которой я обязан Вашему руководству и помощи, и прежде всего Вашей школе. Этого требует от меня, в частности, дружба профессора Ростовцева, который для этой цели, между прочим, представляет в мое распоряжение Записки здешнего археологического общества. Я намерен согласиться напечатать эту работу в названных "Записках", которая, как кажется, не полностью устарела, с указанием обстоятельств ее написания. Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы смогли оказать мне помощь в том, чтобы достать эту работу и получить ее обратно... Покорнейше прошу Вас найти какой-нибудь способ для того, чтобы не затруднять публикацию формальностями»¹⁶⁴.

И вот в апреле 1910 г. после четырех лет настойчивых усилий Ростовцева книга, наконец, увидела свет.

Летом 1910 г. Иванов вновь приезжает в Рим и посещает Германский археологический институт. В архиве Института его имя (*Dr. Ivanoff*) зарегистрировано среди тех, кто получил право работать в библиотеке – с 24.VIII по 30.X. Рекомендацию ему предоставил М.И. Ростовцев, который в то время тоже находился в Риме и работал в институте (Ростовцев помог Иванову и с жильем – они жили в одном и том же отеле – *Campidoglio*). В списке читателей библиотеки за 1910 г. значится и «барышня Иванова» (*Fraülein Ivanov*), записанная также по рекомендации Ростовцева (с 27.IX по 31.X)¹⁶⁵. К сожалению, в архиве института не сохранилось списков ученых за 1910 г.,

¹⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Ед. хр. 127. Л. 115–115 об.

¹⁶⁰ Подробнее см. *Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев и Вяч. Иванов // Скифский роман. М., 1997. С. 248–258.

¹⁶¹ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 373.

¹⁶² «Школа высших социальных исследований».

¹⁶³ Статья Иванова «Эллинская религия страдающего бога» была напечатана в журнале «Новый путь» в 1904 г. (январь, с. 110–134; февраль, с. 48–78; март, с. 38–61; май, с. 28–40; август, с. 17–26; сентябрь, с. 47–70), а статья «Религия Диониса» в журнале «Вопросы жизни» в 1905 г. (июнь, с. 185–220 под названием «Религия Диониса: ее происхождение и влияние», июль, с. 122–147).

¹⁶⁴ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 373.

¹⁶⁵ Под «барышней Ивановой» «скрывается» падчерица Иванова Вера Константиновна Шварсалон, ставшая вскоре его женой.

которые посещали лекции и семинары, и мы не можем сказать – посещал ли их Иванов. Но Иванов приехал в Рим уже автором, наконец-то, изданной диссертации, которую готовил многие годы. Эту книгу, посвященную «Оттону Гиршфельду, учителю» (*Ottoni Hirschfeldio Magistro*) он дарит библиотеке института: на книге по-немецки надпись (без даты): «Библиотеке Германского археологического института в Риме передана от автора»¹⁶⁶.

В Риме Иванов завершил написание книги по дионисийской религии или, как он сам называл, «Дионисовой религии». В «Автобиографическом письме» 1917 г. он писал: «В 1912 г. я закончил в Риме исследования об отдельных проблемах религии Диониса, которые медленно печатаются и выйдут в свет вместе с общим очерком, каковой представляют собой статьи в "Новом Пути" и в "Вопросах Жизни"»¹⁶⁷. В «Автобиографической справке» 1919 г. Иванов сообщает, что рукопись книги о религии Диониса была закончена в Риме в 1913 г.¹⁶⁸ Однако книга была издана, как известно, лишь в 1923 г. в Баку. В предисловии к ней Иванов отмечал: «Основой предлагаемой монографии послужил ряд конспектов, набросанных мною в 1913 г. в Риме. Один из них ("Дионис орфический") был напечатан в "Русской Мысли"¹⁶⁹ в конце того же года. В Москве издательство "Мусагет" предприняло их издание отдельной книгой; но, отвлеченный другими заботами, я не довел печатание до конца¹⁷⁰. Только в 1921 г. в Баку опять принялся я за любимый, но столь часто прерываемый труд»¹⁷¹.

Следующая запись в архиве Германского археологического института, связанная с Ивановым, относится к декабрю 1924 г.: его подпись (*Prof. V. Ivanov*) имеется в списке участников ежегодного юбилейного заседания, посвященного Винкельману (на заседании он присутствовал вместе с дочерью Лидией¹⁷², о чем сам оставил надпись), – через 26 лет после того, как Иванов впервые участвовал в Винкельмановских торжествах в Римском отделении Германского археологического института.

Прошло всего несколько месяцев после приезда Иванова в Рим из России, которую вновь ему уже не суждено было увидеть. В институт он уже пришел профессором, доктором классической филологии, автором изданной книги «Дионис и праднионисийство».

¹⁶⁶ Экземпляр книги Иванов послал Ф. Мюнцеру – своему другу и соученику еще по Берлинскому университету. В архиве Иванова сохранилось письмо Мюнцера от 7 сентября 1913 г., бывшего тогда уже профессором университета г. Кенигсберга. Вот текст этого письма: «Конечно, для меня было большим сюрпризом, когда месяц назад я получил Ваше сочинение о публиканах, и дружеское посвящение пробудило множество воспоминаний, которые, казалось, уже давно отошли в прошлое. Если бы я как раз в тот день, в утро которого пришла посылка, не отправлялся бы в длительное путешествие, то немедленно бы взялся за перо, чтобы поблагодарить Вас и высказать свою радость в связи с Вашей весточкой. Сейчас я делаю это тотчас же по возвращении, еще до того как я прочитал книгу; кто знает, в Риме ли Вы сейчас. Живее всего стоят перед моими глазами те часы, которые мы вместе провели в Риме, наша экскурсия по Риму и уютные часы за чаем у Вас, хотя с тех пор прошло уже 20 лет. Чего только не случилось с каждым из нас за эти 20 лет! Вы, возможно, знаете больше о моей жизни в этот промежуток времени, чем я о Вашей, так как Вы, конечно, чаще, чем я, виделись с нашим общим дорогим другом Ростовцевым, которого я встретил в последний раз в 1908 г. в Берлине и от которого я, хотя и не теряю с ним связи, но весьма редко получаю подробные сообщения или посылаю ему свои. Чего Вы, возможно, еще не знаете, так это то, что я уже полтора года в Кенигсберге и могу теперь вернуться из филологии, которую я представлял в Базеле, к древней истории; конечно, из-за этой перемены я много сил отдаю подготовке к моим лекциям. Кроме того, здесь я вдали от всех друзей и нет почти никакой возможности пригласить их в гости. Но тот, кто, как Вы, должен ездить между Россией и Западом, возможно, сможет когда-нибудь приехать и сюда и порадовать меня своим визитом. Еще раз сердечное спасибо за прекрасный подарок и дружеское посвящение. Приветты и наилучшие пожелания благополучия! Ваш Ф. Мюнцер» (РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 39. Л. 3–3 об.).

¹⁶⁷ См. Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 21–22.

¹⁶⁸ См. Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁶⁹ Иванов Вяч. О Дионисе орфическом // «Русская мысль». 1913. № 13. Ноябрь. С. 70–98.

¹⁷⁰ Подробнее см. Котрелев. Ук. соч. С. 194. Прим. 18.

¹⁷¹ Цит. по Иванов Вяч. Дионис и праднионисийство. СПб., 2000. С. 12.

¹⁷² Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1925).

В архиве Германского археологического института сохранились на немецком языке 16 машинописных страниц (текст напечатан на машинке на официальных бланках института, греческие слова-вставки и поправки – рукой Иванова) перевода заключения к книге. Заглавие написано рукой Иванова (черными чернилами) – Wenzeslav Ivanoff. Dionysos und Vordionysos. Russland. Baku, 1923.

Можно предположить, что перевод был сделан Ивановым по просьбе его немецких коллег или руководства института. Вспоминая о приезде в Рим в 1924 г., сын Иванова Дмитрий Вячеславович пишет: «Отец усердно занимался в государственной библиотеке. Он пересматривал свою книгу "Дионис и прадиионисийство". В те времена в Баку, конечно, не приходила западная научная литература с послереволюционных лет. Ему было важно узнать, что нового было открыто историками и археологами, подтверждается или опровергаются высказанные им в далеком Азербайджане гипотезы»¹⁷³. Хранящийся в архиве института текст немецкого перевода заключительной части книги Иванова позволяет думать, что поэт не раз приходил в институт для научных занятий дионисийством.

В целом, в научной биографии Иванова Римское отделение Германского археологического института сыграло важную роль: именно в Риме и прежде всего в библиотеке института он подготавливал свою диссертацию, здесь он фактически стал превосходным антиковедом, блестящим знатоком античной истории и религии.

В институте – и во время заседаний, и в библиотеке – Иванов встречался со многими крупнейшими немецкими археологами и антиковедами и зарубежными учеными, находившимися в Риме в научных командировках. Сохранившиеся списки участников лекций, проходивших в институте каждые две недели, и торжественных заседаний, на которых присутствовал Иванов, содержат имена таких выдающихся ученых как А. Мау, В. Амелунг, Р. Вюнш, Ф. Кюмон, с которыми он был знаком еще по Берлину. В списках упоминаются и фамилии русских ученых, которые приезжали в Рим для научной работы или на стажировку и посещали институт, его библиотеку и присутствовали на лекциях и торжественных заседаниях. Это Д.В. Айналов¹⁷⁴, Б.В. Фармаковский¹⁷⁵, М.И. Ростовцев, М.Н. Крашенинников, Я.И. Смирнов¹⁷⁶, В.И. Модестов. На семинары приходили и жившие тогда в Риме А.А. Павловский, А.М. Миронов¹⁷⁷, Х.А. Флеров¹⁷⁸.

Встречался ли Иванов с Айналовым, Смирновым и Фармаковским именно в институте – сказать с определенностью трудно, но такое предположение вполне вероятно. В книге записей в библиотеку института сохранились свидетельства о разрешениях, выданных профессору Айналову (с 8.VI.1893 по 1.II.1894 г., поручитель Хюльзен по письму Российского посольства в Риме), профессору Одесского университета Павловскому (16.X.1893, поручитель Петерсен¹⁷⁹ по письму Российского посольства в Риме), Фармаковскому (9.III.1897, поручитель Хюльзен по письму Российского посольства в Риме).

В своем «Автобиографическом письме» Иванов, вспоминая о пребывании в Риме, писал: «Жизнь в Риме привела с собою немало новых знакомств с учеными (вспоминаю, какими они были в ту пору, профессоров Айналова, Крашенинникова,

¹⁷³ См. Иванов Д.В. Из воспоминаний // Иванов Вяч. Материалы и исследования. М., 1996. С. 49.

¹⁷⁴ Б.В. Айналов (1862–1939) – искусствовед-византинист, специалист по греческому и русскому искусству.

¹⁷⁵ Б.В. Фармаковский (1870–1920) – археолог, историк античности.

¹⁷⁶ Я.И. Смирнов (1869–1918) – археолог, историк христианского и византийского искусства.

¹⁷⁷ А.М. Миронов (1866–1921) – историк искусства, преподавал в Московском и Казанском университетах.

¹⁷⁸ Х.А. Флеров – священнослужитель, филолог, специалист по греческой эпиграфике, ученик выдающегося филолога-классика В.К. Эрнштедта (1854–1902); долго представлял Русскую Православную церковь в Риме.

¹⁷⁹ Е. Петерсен (E. Petersen) (1836–1919) – немецкий археолог, с 1887 по 1905 г. был первым секретарем Римского отделения Германского археологического института.

М.Н. Сперанского¹⁸⁰, М.И. Ростовцева, покойных Кирпичникова¹⁸¹, Модестова, Редина¹⁸², Крумбахера¹⁸³, славного Дж. Б. Де-Росси»¹⁸⁴.

Осенью 1926 г. Итальянский университет в Павии пригласил Иванова читать лекции по русской литературе, и в этом – одном из стариннейших городов Италии – он провел затем 8 лет. Бывал ли поэт в Германском археологическом институте после возвращения в Рим – сказать трудно: ведь он был уже далеко не молод, и жил «мудрец», как писала З. Гишиус, «спокойной счастливой жизнью»¹⁸⁵. Правда, в 1936 г. швейцарское издательство «Bello Schwabe» обратилось к Иванову с предложением издать по-немецки его труд о Дионисе. Когда перевод был завершен, Иванов стал сверять текст, исправлять его, уточнять и дополнять примечания, сделанные много лет назад. Как рассказывает О. Дешарт, «едва он принялся за занятия в библиотеках, для обновления примечаний, как у него возник ряд новых проблем, и работа превратилась в переработку всего текста»¹⁸⁶.

Можно предполагать, что для ознакомления с новыми публикациями по дионисийству Иванову необходимо было зайти и в библиотеку Германского археологического института, но это, конечно, только наши предположения – никаких сведений в архиве института об этом не сохранилось. Но «Ивановские традиции» в институте сохраняются: молодые итальянские археологи и историки-антиковеды, а также приезжающие в институт зарубежные ученые читают латинскую диссертацию Вячеслава Иванова, которую недавно переиздали в Италии, иногда посещают институт Дмитрий Вячеславович и дарит библиотеке и свои книги, и книги отца. Входя в институт и направляясь в читальный зал, он проходит мимо скульптуры мраморного грифа с греческой надписью, на открытии которой более ста лет назад присутствовал молодой Вячеслав Иванов, приехавший в Рим для занятий римскими древностями.

II. ВЯЧ. ИВАНОВ И Г. МОММЗЕН

В одном из писем своей будущей жене Л.Д. Зиновьевой Иванов, рассуждая о важности принимаемых решений, писал: «Я поехал к немцам (так в оригинале – Г.Б.-Л.) за настоящею наукой»¹⁸⁷. В этих словах, которые взяты в качестве названия публикуемой статьи, была не только констатация самого факта плодотворной учебы в Берлинском университете, но и выражение глубокого почтения к немецкому антиковедению, признания своей приверженности ее традициям. Этой позиции Иванов следовал на протяжении всей жизни, хотя всегда питал особое уважение к русской науке и ее лучшим представителям. Если у Иванова шла речь о науке именно немецкой, то ей противопоставлялась не русская, а французская наука. Такого рода антитеза не раз проявляется в переписке с И.М. Гревсом – страстным поклонником французских ученых, прежде всего Фюстеля де Куланжа. Уже в одном из первых писем из Рима (4 октября/22 сентября 1892 г.), где Иванов работал в Германском археологическом институте над завершением начатой в Берлине магистерской диссертации, он упрекает Гревса в том, что тот слишком увлекается работами французского

¹⁸⁰ М.Н. Сперанский (1863–1938) – филолог-славист, академик.

¹⁸¹ А.И. Кирпичников (1845–1903) – византист, филолог, работал в Одессе.

¹⁸² Е.К. Редин (1863–1908) – византист, искусствовед, профессор Харьковского университета, ученик выдающегося историка и искусствоведа Н.П. Кондакова (1844–1925).

¹⁸³ К. Крумбахер (Karl Krumbacher) (1856–1909) – немецкий византист-литературовед, подробнее см. *Wachtel M. Die Korrespondenz zwischen Vjaceslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slawistik. 1992. Bd III. S. 330–342.*

¹⁸⁴ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 19.

¹⁸⁵ Цит. по Дешарт О. Введение // Иванов. Собр. соч. Т. 1. С. 195.

¹⁸⁶ Там же. С. 198.

¹⁸⁷ Письмо от 16 ноября 1895 г. РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 32.

медиевиста Г. Буасье, ибо «описывать Буасье вообще не умеет: недаром он француз классического французского типа»¹⁸⁸.

Узнав о новой предполагаемой командировке Гревса за границу, Иванов настоятельно рекомендует ему приехать в Берлин. «Мы приедем туда с Михаилом Никитичем (Крашенинниковым. – Г.Б.-Л.), я буду держать экзамен, Вы и Крашенинников будете моими оппонентами. Вы и он сдружитесь с Моммзенем и Гиршфельдом» (письмо от 8 января 1893 г. / 27 декабря 1892 г.)¹⁸⁹. Чуть позже – такое же пожелание: «Я Вам советую далее ехать прямо в Берлин, где Вы познакомитесь с Гиршфельдом, Моммзенем и другими. В настоящее время мне возможно, в случае, если бы это Вам понадобилось, обеспечить для Вас этот шаг, насколько это в моих силах – именно, так как мне предстоит, по-видимому, переписка с Гиршфельдом по вопросу о присылке моей диссертации, то я надеюсь иметь удобный случай написать ему о Вашем желании познакомиться с ним, чтобы спросить его совета и т.п. – смотря по тому, какие инструкции (подчеркнуто Ивановым. – Г.Б.-Л.) дадите Вы мне относительно этого предварительного извещения Гиршфельда о Вашем приезде... Гиршфельд отрекомендует Вас, вероятно, Моммзену. Никакого труда не будет Вам стоит знакомство с молодыми учеными, например, Дессау¹⁹⁰, Вебером¹⁹¹ (автор *Agrargeschichte*¹⁹², если только он в Берлине)» (письмо от 16/4 апреля 1893 г.)¹⁹³. В письме от 6 ноября 1894 г. Иванов обсуждает с Гревсом произошедшие в России перемены, политическую обстановку на Родине и добавляет: «Мы оба, думается мне, горячо любим Россию, как ни различен Ваш, так сказать, сам себя отрицающий патриотизм, от моего патриотизма "на германский лад", как называете его Вы»¹⁹⁴.

Последователем «германского патриотизма», понимая под этим приверженность традициям немецкой антиковедческой науки (истории и классической филологии) Иванов стал еще во время своей учебы в Берлинском университете. Закончив два курса историко-филологического факультета Московского университета, где он слушал лекции многих известных русских историков и филологов, таких как Т.Н. Грановский и В.И. Герье, и получив премию за работу по древним языкам, он решил поехать учиться в Германию; этому очень способствовал его учитель, известный историк права П.Г. Виноградов, который подготовил для Иванова программу занятий, в том числе у Моммзена (кстати, сам Виноградов учился у этого патриарха германского антиковедения). Возможно, еще в Москве, проходя учебу у П.Г. Виноградова, молодой Иванов познакомился с трудами Т. Моммзена, уже известными русскому читателю (I и II тома «Истории Рима» Моммзена на русском языке были изданы еще в 1858 г., затем в 1885–1887 гг. появились переводы I, II, III и V томов).

Учеба в Германии для начинающего классика – историка и филолога – была в то время вполне естественна. Многие молодые классицисты России, ставшие затем выдающимися учеными, проходили стажировку у немецких антиковедов – немецкая наука о классической древности считалась в конце XIX – начале XX в. своего рода эталоном, и с ее успехами были связаны такие имена, как Т. Моммзен, У. Вилькен, Э. Мейер, Ю. Белох, У. Виламовиц-Меллендорф. С германскими антиковедами поддерживали теснейшие связи В.Г. Васильевский, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский, Ю.А. Кулаковский.

С осени 1886 г. в течение целого семестра Иванов осваивал немецкий язык, а затем слушал лекции и занимался в семинаре Моммзена. Вот как он сам описывает эти

¹⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 9 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 11 об.

¹⁹⁰ Г. Дессау (Hermann Dessau) (1856–1931) – известный немецкий историк-антиковед и эпиграфист, ученик Моммзена в Берлине, с 1912 г. стал профессором древней истории в Берлинском университете.

¹⁹¹ Макс Вебер (Max Weber) (1864–1920) – выдающийся немецкий социолог и историк.

¹⁹² Один из ранних трудов Вебера, переведен и издан в России в 1925 г.: *Вебер М.* Аграрная история древнего мира / Пер. с нем. Е.С. Петрушевского, М., 1925.

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 16 об.–17.

¹⁹⁴ Там же. Л. 36.

занятия: «В конце второго (семестра. – Г.Б.-Л.) я представил Моммзену исследование о податном устройстве римского Египта, и был им ласково ободрен. Он позвал участников семинария ужинать в свою "тесненскую" виллу и там спросил меня, остаюсь ли я на более долгое время в Берлине; я сказал, что желал бы, но боюсь, что вспыхнет война; "мы не так злы (wir sind nicht so böse)" был ответ. Я восхищался каждым, всегда внезапным и нетерпеливым, движением этого щедедушного и огненного старика, в котором мысль и воля сливалась в одну горящую энергию, каждой вспышкой его гениального и холеричного ума. Вот несколько строк о нем из моего стихотворного дневника:

В сей день счастливый Моммзен едкий
Меня с улыбкой похвалил.
Он Ювенала очертил
Характеристикою меткой,
Тревожил искры старых глаз
И кудрями седыми тряс...»¹⁹⁵.

Во время учебы Иванов занимался также филологией (некоторые занятия велись по-латыни), философией, латинской и греческой палеографией, посещал музеи. В Берлине его навестил П.Г. Виноградов, который «определенно посоветовал отдаться филологии, продолжая, однако, работать у Моммзена»¹⁹⁶. Он, говоря словами Иванова, «надеялся, что я буду совмещать в Москве филологическую доцентуру с преподаванием римской истории»¹⁹⁷. Примерно так же рассказывал об этом Иванов и в 1921 г.: «Виноградов сейчас же проектировал мне кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеновского семинария – достаточное свидетельство, но я ушел, удивив всех, совсем в другую сторону»¹⁹⁸.

После первого года учебы Иванов сумел подготовить «первый набросок» диссертации (*De societatis vectigalium*), и Гиршфельд признал этот опыт «солидной работой». Но Иванов продолжал посещать семинары Моммзена. Вот как он сам описывает этот этап своего пребывания в Берлине: «Вопрос о государственных откупах, но уже не в римской республике, а за время империи (эта часть, большая первой по объему, не была мною позднее переработана и не вошла в мою латинскую диссертацию) я разрабатывал далее в семинарии Моммзена, который заводил серьезнейшие и опаснейшие диспуты с более зрелыми учениками...»¹⁹⁹. Уже в своем дневнике в феврале 1888 г., т.е. еще в начале учебы в Берлине, Иванов записал: "Кажется, под влиянием Моммзена я, как историк, проникся глубоко мыслию о необходимости различения исторической действительности и юридической теории и о пользе управления последней. И эта мысль еще более способствовала консервативному направлению моих идей»²⁰⁰.

Американский славист Майкл Вахтель приводит список курсов, которые Иванов прослушал в Берлинском университете, – всего 47, из которых 12 – у Гиршфельда и 5 – у Моммзена. Разбирая имеющиеся свидетельства (в том числе и эпистолярные) о взаимоотношениях Иванова со своими учителями, Вахтель приходит к заключению, что «Иванов склонен преувеличивать свою близость к Моммзену, в то время, как он преуменьшает центральную роль, которую сыграл в его судьбе Гиршфельд»²⁰¹.

¹⁹⁵ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 17.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ См. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 31.

¹⁹⁹ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 17.

²⁰⁰ См. он же. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 / Подготовка текста Н.В. Котрелева и Н.Н. Фридмана, примечания Н.В. Котрелева // Иванов Вяч. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 14.

²⁰¹ Wachtel. Вячеслав Иванов... Р. 360.

Поднятый Вахтелем вопрос – далеко не праздный. И дело совсем не в том, сколько лекций прослушал Иванов у Гиршфельда, Моммзена или у других немецких профессоров. Важнее понять другое – почему именно Моммзен стал для Иванова образцом ученого и учителя, объектом почитания? Какие особенности его научной и преподавательской деятельности, какие черты его личности и поведения особо привлекали Иванова?

Вспомним характеристики Моммзена, описания своих встреч с ним, которые приводит Иванов в переписке с Гревсом и Зиновьевой. Приехав в Рим после учебы в Берлине, Иванов углубленно занимается, считая прозой работу над диссертацией, а «поэзией ... углубление в сочинение Моммзена, гениального Моммзена, за которого боюсь всякий раз, когда слышу о смерти какого-нибудь славного старика» (письмо Гревсу 4 октября/22 сентября 1892 г.)²⁰². В Риме ему удалось встретиться с Моммзеном, который «удивительно подвижен и неутомим»²⁰³. После встречи Иванов пишет: «Ломаю себе голову над оракулом старика» (письмо Гревсу от 12 ноября 1893 г.)²⁰⁴. В письме Зиновьевой от 9 ноября 1895 г. она рассказывает о свидании с Моммзеном на его вилле: «...den alten Herrn с седыми локонами... с иронической миной старой лисы»²⁰⁵. Более подробно Иванов описывает Моммзена в письме к ней от 6 января 1897 г.: «Маленький, тщедушный ...он горбился, словно под тяжестью белых кудрей, лежащих по плечам... Через очки, из-под темных бровей, холодно и неприступно смотрят острые темные глаза. Складки выразительно бороздят бритое старческое худое лицо и придают скептическую горечь плотно сжатым губам, на которых мгновениями заметна ироническая улыбка. Несколькими старчески потухшее выражение трезвой и вдумчивой сосредоточенности ежеминутно нарушается как бы легкими конвульсиями внутренней жизни, выражающейся в маленьких нервных жестах, на игре мускулов лица, вспышках живых глаз»²⁰⁶.

В ноябре 1893 г. Иванов вместе с М.Н. Крашенинниковым и Гревсом принял участие в работе фонда в честь Моммзена. Об этом мы узнаем из письма Крашенинникова В.К. Эрнштедту из Рима: «Фонд этот будет иметь международный характер по отношению к способу пользоваться им. Предполагается предоставить самому Моммзену выработать правила употребления фонда. Я, Иванов и Гревс, который теперь уже уехал в Париж, уже приняли участие в составлении фонда, т.е., говоря проще, послали в Берлин по 10 германских марок. Думаю, что и в России немало есть почитателей Моммзена, которые не отказались бы принять участие в упомянутом деле»²⁰⁷.

К имени Моммзена Иванов не раз возвращался и позднее, вспоминая свою учебу у него и свои встречи с ним, давал описание его облика. Особый интерес представляет статья Иванова о Моммзене, напечатанная в 1904 г., после кончины великого немецкого ученого²⁰⁸.

Следует иметь в виду, что имя Теодора Моммзена было очень популярно в России, его научные труды получили высочайшую оценку у российских ученых; сам он очень интересовался статьями по эпиграфике и археологии, изданными в России, хотя и не знал русского языка. Об этом свидетельствуют, например, его письма известному русскому филологу – классику И.В. Помяловскому, которые хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки²⁰⁹.

²⁰² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 7 об.

²⁰³ Там же. Л. 18 об.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 28 об.–29.

²⁰⁶ Там же. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 9.

²⁰⁷ См. Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999. С. 379.

²⁰⁸ Иванов Вяч. О Моммзене. Кулаковский Ю. Памяти Моммзена. Киев, 1904 // Весы. 1904. Т. 11. С. 45–48.

²⁰⁹ РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1542. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить чл.-корр. РАН И.П. Медведева за помощь в ознакомлении с архивными материалами, связанными с темой статьи.

Заслуги Моммзена получили официальное признание и в избрании его в 1893 г. в почетные члены Петербургской Академии наук²¹⁰. Труды Моммзена, как уже отмечалось, неоднократно переводились на русский язык и издавались в России. После упомянутых изданий I том его «Римской истории» снова был издан в 1900 г. в Москве, затем в 1909 г. в Санкт-Петербурге была опубликована «Римская история по Моммзену» (2-е изд. в 1914 г.). Много позднее под редакцией Н.А. Машкина были изданы новые переводы всех четырех томов «Истории Рима» – I, II, III и V.

Смерть Моммзена 19 октября (1 ноября) 1903 г. вызвала широкий резонанс среди ученых России, появилось много некрологов, в которых давалась оценка его научным работам и характеристика его деятельности, рисовался облик этой незаурядной творческой натуры.

Один из основателей русской школы византиноведения В.Г. Васильевский учился у Моммзена в 1862–1864 гг., слушал его лекции по римской истории и римскому государственному праву, а также спецкурс по речам Цицерона²¹¹: «В нем, – писал Васильевский, – можно видеть столь редкое соединение громадной учености с способностью живого понимания духа, удивительного даже для немецких ученых трудолюбия с даром пронизательности и остроумия, вносящих жизнь и свет в самые, по видимому, темные и бесплодные массы материала, находящегося в его распоряжении. Немцы имеют полное право выражаться: "наш гениальный Моммзен"... Я знаком с его учеными исследованиями, слушаю его с университетской кафедры, слышал публичную лекцию об одной монете в здешнем ученом обществе (Wissenschaftlicher Verein) и должен был подивиться его умению найти настоящую методу и тон для ученого, академического исследования, университетского чтения для германского университета и публичной лекции в академии пеня»²¹².

1 ноября (по старому стилю) 1903 г. на общем собрании Академии наук академик В.В. Латышев выступил с речью о Моммзене в связи с его кончиной, в которой давалась высочайшая оценка научного творчества немецкого ученого. «Все его произведения свидетельствуют о великом уме, о глубочайшей учености и необыкновенной научной энергии. Это был поистине великий деятель историко-филологической науки и не только в XIX веке, но и в предшествующих трудно найти ученого, которого смело можно было бы поставить рядом с ним»²¹³.

Известный русский историк, профессор Казанского университета М.М. Хвостов в связи с кончиной Моммзена выступил 1 ноября (по старому стилю) 1903 г. с обширной речью, в которой дал высочайшую оценку не только его научным трудам, таланту писателя и поэта, но и несгибаемой жизненной позиции²¹⁴. Хвостов никогда не встречался с Моммзеном, но сумел подметить такие характерные его черты, как смелость, решительность, саркастичность; он приводит в своей речи следующие слова Моммзена: «Наихудшей ошибкой в моих глазах является то, если кто-нибудь считает нужным снять с себя платье гражданина, для того чтобы не скомпрометировать халата ученого»²¹⁵.

«Как лектор, – пишет Хвостов, – он не имел шумного успеха. Его лекции были слишком специальные, чтобы привлекать толпы слушателей. Притом стиль его был лучше в письме, чем в устной речи. В этом отношении он разделил участь другого немецкого историка 19 века – Ранке²¹⁶. Но это обстоятельство столь же мало мешало Моммзену занять первое место среди университетских преподавателей, сколь

²¹⁰ См. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. 1893. Д. 11. Л. 1–1 об., а также ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 49. Л. 80.

²¹¹ Подробнее см. Курбатов Г.Л. Из истории научных связей русской византистики (В.Г. Васильевский в Германии) // ВВ. 1971. 31. С. 79–83.

²¹² См. отчет В.Г. Васильевского за зимний семестр 1862 г. // ЖМНП. Март 1863. Ч. 117. С. 294, 296.

²¹³ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а 1903. Д. 150. Л. 69–70. Выражаю признательность И.В. Тункиной за предоставление мне этих материалов.

²¹⁴ Хвостов М.М. Теодор Моммзен // Научное слово. 1904. № 1. С. 84–102.

²¹⁵ Там же. С. 93.

²¹⁶ Леопольд Ранке (1795–1886) – известный немецкий историк.

мало оно помешало сделать то же и Ранке. Но сила Моммзена и Ранке, как преподавателей, была не столько в их лекциях, сколько в практических занятиях, которые они вели со своими слушателями. Здесь слушатели были очевидцами кабинетной работы их великих учителей, здесь они учились методам исследования. И как Ранке, так и Моммзен, не будучи блестящими лекторами, создали целые школы исследователей, насчитывающие немало очень громких имен»²¹⁷.

Один из самых верных почитателей немецкой антиковедческой школы, избранный членом-корреспондентом Берлинской Академии, М.И. Ростовцев не имел возможности учиться и встречаться с Моммзеном, но на смерть «гениального старца» он написал подробный некролог, в котором с большой теплотой и уважением нарисовал портрет великого немецкого антиковеда²¹⁸. Для Ростовцева Моммзен – гений, паривший над многими областями античной истории; в немецком ученом русском антиковеда привлекало прежде всего его научное академическое творчество, которое было центром служения обществу, а также столь близкая для самого Ростовцева такая сторона жизненной позиции, как общественная деятельность.

«Учеников у него было много, слушать его съезжались со всей Германии, более – со всего культурного мира, лекции его и в особенности практические занятия были полны обаятельности... Более дома, – пишет Ростовцев, – чувствовал он себя, насколько я могу судить по беседам с его друзьями и учениками, в академии, чем в университете, за своим письменным столом или среди камней и монет музеев, чем на кафедре»²¹⁹. Некролог заканчивался следующими словами: «Перед такой жизнью и такой деятельностью нам, скромным рядовым, можно только преклоняться, преклоняться перед этой седовласой тонкой и резкой головой, перед этим тщедушным, теперь мертвым телом, в котором жило бессмертное творчество, бессмертные идеи и железная беззаветная энергия, соединенная с проникновенной любовью к свободе, культуре и науке»²²⁰.

В одном из своих писем к профессору Харьковского университета В.П. Бузескулу Ростовцев в 1904 г. писал о необходимости принять участие в воздвижении памятника Моммзену²²¹. «Мне лично кажется, что несмотря на тяжелые моменты в жизни нашего государства и несмотря на то, что Моммзен к чехам не очень был благосклонен (заметьте, к чехам, а не ко всем славянам), нам все-таки надо было бы фигурировать среди наций, воздвигающих памятник общеевропейскому гению. Как-никак, а многие из нас и прямо, и косвенно пользовались и пользуются его трудами, как базой. Немало и таких, которые его слушали»²²².

Профессор Киевского университета Св. Владимира, крупный византист, специалист по истории Рима и раннего христианства Ю.А. Кулаковский учился у Моммзена, и его характеристика преподавательской деятельности и облика «всесветно знаменитого» немецкого ученого представляет особый интерес в связи с нашей темой. В речи, произнесенной на собрании Исторического общества Нестора Летописца в Киеве 16 ноября 1903 г., он рисует своего учителя «в царственном ореоле абсолютного знания, дивного владения материалом, гениальной памяти, поразительного дара комбинации, орлиной остроты и свежести мысли, ясности и силы слова»²²³.

Дав оценку научным трудам Моммзена, которыми «воздвигал он себе навеки несокрушимый памятник», Кулаковский поделился и своими личными воспоминаниями о его преподавательском искусстве: «Учиться к Моммзену стекались германские студенты со всех областей Германии. Среди его слушателей были всегда также и иностран-

²¹⁷ *Хвостов*. Теодор Моммзен. С. 101–102.

²¹⁸ *Ростовцев М.И.* Теодор Моммзен (1817–1903) // *Мир Божий*. 1904. № 2. С. 1–12.

²¹⁹ Там же. С. 3.

²²⁰ Там же. С. 12.

²²¹ См. *Тункина И.В.* Документы М.И. Ростовцева в Санкт-Петербургском архиве Российской Академии наук // *Скифский роман*. М., 1997. С. 30.

²²² ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 188. Л. 11.

²²³ *Кулаковский Ю.А.* Памяти Моммзена // *ЖМНП*. 1904. № 1–2. Отд. IV. С. 39–61.

цы: австрийцы, швейцарцы, итальянцы, французы, голландцы, англичане, американцы. Профессорские стипендиаты, посылаемые за границу нашим министерством народного просвещения, обыкновенно не миновали Берлина, и многие из них являлись туда ради него. Мне лично пришлось учиться у Моммзена, когда он был уже старцем и помышлял оставить преподавание. На зимний семестр 1878–1879 года Моммзен объявил четырехчасовой курс по римской эпиграфике и двухчасовые практические занятия. В летнем семестре 1879 года он уже не читал курса, но сохранил за собой практические занятия. Мне кажется, что я выражу чувства всей тогдашней аудитории Моммзена, если скажу, что он вызывал к себе благоговение. Помимо его славы так действовал и самый вид этого человека. На маленьком тщедушном теле красовалась чудесная голова с острыми чертами лица, изрытой морщинами кожей, правильным носом, большим ртом, с великолепным ореолом поредевших уже, длинных, белых, кудрявишихся на концах волос над прекрасным огромным челом, под которым блистали острые, пронизывающие, пылавшие огнем глаза. Никто не забудет этих глаз, кто их видел. Вежливая, без малейшей предупредительности, деловая манера обращения внушала некоторую робость при первом свидании. Свои профессорские обязанности он исполнял с удивительной аккуратностью. С ударом четверти девятого на университетских часах входил он в аудиторию и, став у кафедры и разложив перед собою листки своих заметок, начинал говорить своим тихим голосом, подергивая и поворачивая время от времени голову своим особым жестом. Ровная серьезная речь текла спокойно с северогерманским акцентом, никогда не оживляясь, но и не становясь вялой»²²⁴.

Прочитав некролог Кулаковского, Иванов, также учившийся у Моммзена почти на 10 лет позже, тут же отозвался статьей «О Моммзене. Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев, 1904», которая была опубликована в журнале «Весь» и о которой мы уже упоминали. Статья-отклик была написана в первой половине 1904 г., когда Иванов отошел от занятий античной историей, но продолжал глубоко чтить память о своем учителе. Со свойственной ему пронизательностью и поэтичностью Иванов сумел по-особому воспринять облик немецкого ученого и поэтому он не мог не вступить в полемику с Кулаковским.

Эта статья Иванова мало известна и антиковедам, и литературоведам, и поэтому на ней стоит остановиться подробнее. «Русский ученик, – начинает свою статью Иванов, – возлагает венок на гроб Моммзена... Красивый очерк исполнен сердечности, теплоты и благоговения к великой тени, естественных в том, кто сам, как говорят немцы, "сидел у ног" гениального учителя. Автор дает несколько биографических черт и личных воспоминаний; но главной целью ставит себе – растолковать задачи и значение гигантской ученой деятельности чудотворного историка-юриста-филолога»²²⁵. В творческом облике Моммзена Иванов особо подчеркивает поразительно острую меткость, «с которой он схватывает глубочайшее существо, зерно-понятие изучаемого явления, чтобы с крайней энергией логического процесса развить затем из него необходимые следствия, наземные опоры дальнейшего анализа. Таков Моммзен в своем "Государственном праве", таков был он и в кругу своих учеников, когда сразу ослеплял автора студенческого исследования внезапным разоблачением жизненного нерва затронутой темы, с открытием которого вся задача вставала неподвижной и новой. Быстроокий синтетик упреждал в Моммзене зоркого аналитика; и энергия того и другого была такова, что обусловила физиономические черты писателя и человека»²²⁶.

По словам Иванова, Моммзен – «живой организм мышц и жил, пластика борьбы, охвата и преодоления. Нам непонятно, как г. Кулаковский мог находить его беседу мало оживленной: какие искры поминутно тревожили острые глаза подвижного ста-

²²⁴ Там же. С. 57–58.

²²⁵ Иванов. О Моммзене... С. 45.

²²⁶ Там же. С. 47.

рика; какие молнии мыслительного воодушевления бороздили его вообще спокойную речь, поверит и не видевший его, – *le style, c'est l'homme*²²⁷. Нам казалось, что на нем воочию можно наблюдать холеризм гения. Волевой избыток мыслительной энергии, привычка доводить мысль до ее последней остроты, привычка глядеть на все с высоты исторического трибунала (он был в своем мире поистине государственный человек, как он был и римский стратег-техник) – увлекали в его политических суждениях до тех крайностей, каких не могут простить ему, например, славяне... И – *last not least*²²⁸ – он был поэт, т.е. существо, которому с той же легкостью прощают излишнюю возбудимость, с какою приписывают известную невменяемость. Он не только любил выступать переводчиком стихотворцев, но в молодые годы, в годы странствий по Италии, был и самостоятельным лириком; большая часть стихотворений в незабвенной книжке "Liederbuch dreier Freunde"²²⁹ – написана им. Задолго до Вагнера он умел подслушать в природе мелодии, – *Dem Liede gleich von Tristan und Isolde*²³⁰. Очень желательно издание всех его многочисленных научных работ²³¹.

«Гениальность, холеричность ума», страстность, огненность натуры, поэтическое дарование, одухотворенность, необыкновенная живость, «горящая» мыслительная энергия – вот что больше всего восхищало Иванова в Моммзене. Восхищало и привлекало. Нарисованный Ивановым с необыкновенной яркостью мастера слова облик Моммзена точно передает впечатления от личных встреч с ним, о которых Иванов рассказывал в письмах Гревсу и Зиновьевой. Таким он его вспоминал, о таком поведаль поэт Иванов общественности в 1904 г.

В 1906 г. в шуточной автобиографии, прочитанной Ивановым поэту-переводчику и коллекционеру Ф.Ф. Фидлеру, учеба в Германии связывается с Моммзеном:

«На двадцать первом, помнится, году
Я изменил московской alma mater
Для Моммзена. И знал, что значит "Kater"²³²,
Семестров девять. В пламенном бреду
Малярии три года в Риме трясся.
Плел диссертацию, как сеть паук»²³³.

Уже в Баку в 1921 г. в беседе с М.С. Альтманом Иванов в связи с учебой в Германии вновь вспоминает именно о Моммзене: «У нас слишком мало придают значения прилежанию. В Германии вот умеют это ценить, и прилежание требуют не только от ученого, но и художника. Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена по римской истории, какую бездну прилежания мы вынуждены были проявить. Семинарии эти состояли в следующем: Моммзен намечал ряд тем, и каждый из семинаристов, принимаясь за работу, должен был исчерпать весь имеющийся по данному предмету материал (то же должен был делать и рецензент), так что случалось, что по данной теме референт оказывался осведомленнее самого Моммзена. Все же Моммзен нередко ставил в тупик и столь подготовленного референта. Был Моммзен тогда уже 70-летним стариком (первое время занятия были в университете, потом мы к нему ездили в его виллу), нраву был сердитого и во время таких диспутов прямо вцеплялся и яростно нападал на референта. Референт, однако, должен был быть стойким до конца и с апломбом выдержать и отразить все нападки. Такая школа у Моммзена многому научила, и Вы видите хотя бы по этому труду (В. указал на свою

²²⁷ «Каков стиль, таков и человек» (франц.).

²²⁸ «Последнее, но не менее важное» (англ.).

²²⁹ «Книга песен трех друзей» (нем.).

²³⁰ «Подобно песне о Тристане и Изольде» (нем.).

²³¹ См. Иванов. О Моммзене... С. 47–48.

²³² Похмелье (нем.).

²³³ См. Азадовский К. Вячеслав Иванов и Ф.Ф. Фидлер // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter–europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums. Heidelberg, 4–10. September 1989. Heidelberg, 1993. S. 39.

диссертацию на латинском языке "о римских откупщиках"), что мы умели быть прилежными даже после окончания курса. Виноградов сейчас же мне проектировал кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеновского семинария – достаточное свидетельство, но я ушел, удивив всех, совсем в другую сторону, зарылся в поэзию, и вся жизнь моя потекла совсем иначе...»²³⁴.

В Баку, где сам Иванов был профессором классической филологии и уделял большое внимание работе со своими учениками, именно профессорское искусство Моммзена служило для него своего рода эталоном этой благородной деятельности ученого.

Вернемся к мнению М. Вахтеля о том, что Иванов был склонен преувеличивать свою близость к Моммзену и преуменьшать центральную роль, которую сыграл в его судьбе Гиршфельд.

Мне кажется, что акцент поставлен Вахтелем не совсем точно: приведенные нами материалы ясно показывают, что речь должна идти не об умалении или преувеличении влияния Моммзена или Гиршфельда на научную судьбу Иванова, а об общем восприятии им таких понятий и реалий как наставник, научный руководитель, учитель и Учитель. Об Ивановском отношении именно к этим понятиям. Разбирая позицию М. Вахтеля, Н.В. Котрелев совершенно справедливо отмечает, что для Иванова «Гиршфельд – это проблема матрикула и абилитации, Моммзен – учитель»²³⁵.

Конечно, Гиршфельд как крупный антиковед, опытный лектор, как декан и как рецензент сделал очень много для подготовки Ивановым диссертации. Моммзен же, хотя Иванов прослушал у него небольшое число курсов и спецсеминаров, был явлением исключительным, и встречи с ним, учеба у него имели для Иванова особое значение: великий ученый, патриарх немецкого и мирового антиковедения, человек редкой масштабности, общественный деятель, поэт, фигура харизматическая. Подражать этому «гениальному старцу», восторгаться им, приобщить себя к моммзеновской традиции, к ее первоисточнику, было для Иванова вполне естественно и вместе с тем почетно. Недаром в своей латинской диссертации, изданной в Санкт-Петербурге в 1910 г., Иванов называет Моммзена «бессмертным в похвалах божественного ума и заслуг» (*immortalis ille divini ingenii meritorumque laudibus vir, Theodorus Mommsen*)²³⁶.

Перифразируя слова Н.В. Котрелева, можно сказать, что Гиршфельд был для Иванова учителем, Моммзен – Учителем, Учителем Жизни. Вспомним, что именно такими своими Учителями Иванов считал Ницше, с которым он никогда не встречался, или Владимира Соловьева, которого называл «крестным отцом», хотя с ним было всего несколько кратких встреч.

У русских писателей, прежде всего у тех, кто хорошо знал Иванова и часто встречался с ним, поэт нередко ассоциировался с Моммзеном, видимо, Иванов делился своими впечатлениями о встречах с великим немецким ученым. Борис Зайцев, например, в воспоминаниях об Иванове писал: «Слова "мэтр" я всегда не выносил, но надо сказать, что Вячеслав Иванович к оттенку некоего наставника в глубоком смысле действительно подходил. Человек был великой учености, ученик великого Моммзена и крупнейшего немецкого филолога Вилламовиц-Меллендорфа»²³⁷. Андрей Белый в романе «Начало века» упоминал об Иванове, который «обучался у Моммзена, преодолевши историю»²³⁸. Некоторые западные литераторы и литературоведы также связывали Иванова именно с Моммзеном²³⁹. Г. Штайнер называл Иванова не только

²³⁴ Альтман. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 31.

²³⁵ См. Иванов. Интеллектуальный дневник. 1888–1889. С. 47.

²³⁶ См. Иванов Вяч. *De Societatibus Vectigalium Publicorum Populi Romani*. СПб., 1910. (на лат. яз.) С. 26. Прим. 137.

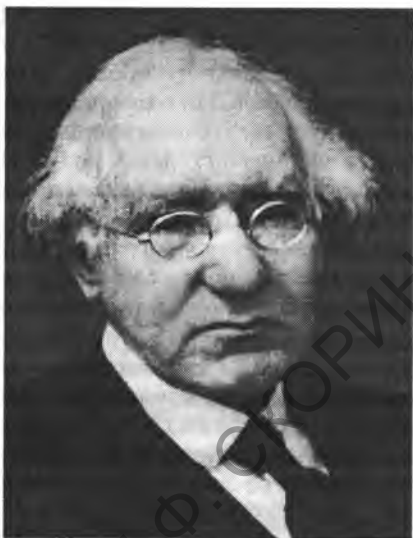
²³⁷ Зайцев Б. Вячеслав Иванов // *Иванова Л.* Книга об отце. М., 1992. С. 332.

²³⁸ См. Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 341. Далее Белый пишет: «Так он латынью владел, что свою диссертацию он написал на изящной старинной латыни».

²³⁹ См. *Ivanov Vjačeslav. Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlaß* / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz, 1995. S. 51.

Т. Моммзен

Вяч. Иванов

учеником Моммзена, но даже и другом²⁴⁰. Показательно, что сын Вячеслава Ивановича Дмитрий Вячеславович, прекрасно знающий жизнь отца, германский период его учебы прежде всего связывает с Моммзеном. В одном из интервью Дмитрий Вячеславович говорил: «Благодаря рекомендательным письмам его профессоров он быстро попал в близкое окружение профессора Моммзена. Они очень подружились. В «Автобиографическом письме» он пишет: «Я восхищался каждым, всегда внезапным и нетерпеливым, движением этого щедрого и огненного старика. Моммзену было тогда уже лет семьдесят, может, немного меньше, но в ту эпоху старели быстрее»²⁴¹.

Более того, некоторые даже усматривали внешние черты сходства между Ивановым и Моммзеном, что, действительно, не было лишено оснований. Андрей Белый, рассказывая о своих встречах с Ивановым в 1909 г. в Петербурге, писал и о внешнем облике поэта, который «явил молодевшим лицом точно пересечение: Тютчева с Моммзеном»²⁴². Можно сослаться и на личные впечатления Ф. Фидлера, который не раз встречался с Ивановым на знаменитой Башне в Петербурге: «Раньше у него была шевелюра, как у Моммзена, теперь от нее мало что осталось ...сидя в кресле, он был очень похож на молодого Моммзена»²⁴³ (март 1911 г.). Ф.А. Степун, вспоминая о встречах с Ивановым, в статье «Вячеслав Иванов» писал: «Как почти все ведущие люди символической школы Вячеслав Иванов был награжден весьма своеобразной и необычной внешностью. В лисьей шубе с выбивающимися из-под меховой шапки космами длинных волос и небольшой рыжеватой бородкой, он зимой в извозчичьих санках мало чем отличался от сельского батюшки. Склоненным бледным, впоследствии бритым лицом, напоминающим лицо его учителя Моммзена, над лекторской кафедрой, он в длиннополом черном сюртуке являл собой законченный облик немецкого ученого середины прошлого века. Фрак явно превращал его в музыканта.

²⁴⁰ Ibid. S. 80.

²⁴¹ См. *Обер Рафаэль. Гфеллер Урс. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым.* СПб., 1999. С. 21.

²⁴² *Андрей Белый.* Начало века. С. 353.

²⁴³ *Азадовский.* Вячеслав Иванов и Ф.Ф. Фидлер. С. 45, 49.

Каждый, мельком взглянув на него, увидел бы в этом скрипаче или пианисте про- никновеннейшего исполнителя Бетховена и Шумана. Возраста Вячеслав Иванов был всегда неопределенного. С одной стороны, в нем уже в годы наших частых встреч было нечто старившее его (*maître, maestro*), с другой же – нечто изумительно юно- шеское. Эта личная безвозрастность подчеркивалась и углублялась в нем вневремен- ностью его эпохального образа: было в нем нечто прелестно старинное, нечто от портретов предков. Но одновременно и нечто явно надломленно-декадентское в том смысле, в котором это слово понималось эпохой рубежа»²⁴⁴.

Черты внешнего сходства между Ивановым и Моммзенем особенно стали прояв- ляться, когда поэт постарел и приблизился к возрасту Моммзена, преподававшего в Берлине молодому русскому студенту.

Взгляните на эти фотографии: старый Моммзен и уже немолодой Иванов – сход- ство несомненно; поэт все больше стал напоминать своего Учителя. Может быть, подражал ему?

Г.М. Бонгард-Левин

V. IVANOV: «I WENT TO THE GERMANS IN SEARCH FOR TRUE SCHOLARCHIP»

G.M. Bongard-Levin

The great Russian poet V. Ivanov started his career as a classical scholar. For nine semesters he studied under the tutorship of such recognized leaders of German classical scholarship as T. Mommsen and O. Hirschfeld. New archive materials (Ivanov's correspondence with I.M. Grevs whom he met in Paris, with his future wife L. Zinovyeva, archive materials from German Archaeological Institute in Rome etc) shed light on Ivanov's classical studies and the dissertation prepared by him, his contacts with leading German and Russian historians and classical philologists, as well as on the outstanding role which Mommsen played in his life.

²⁴⁴ См. *Стенун Ф.А. Портреты*. СПб., 1999. С. 195–196.